

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХІV.

1899.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	33
Л. Ю. Шепелевичъ. Драматическія произведенія Сервантеса	277
А. А. Спицынъ. Разоленіе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ	301
И. И. Ланно. Подкоморскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка	341
И. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (<i>продолженіе</i>)	404
Всеv. О. Миллеръ. Въ быльнамъ о сорока каленяхъ со каленюю	464

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. Д. Чулушичъ. Архивъ кн. О. А. Куракина. Книги V, VI, VII, VIII. Саратовъ. 1894—1899	501
И. Е. Каланскій. <i>И. Я. Гурьяндъ. Идея патроната, какъ идея внутренняго управленія.</i> Ярославль. 1898	417
И. В. Ястребоvъ. Památník na oslavu padesátiletého jubilea Jeho Veličenstva císaře a krále Františka Josefa I. Vědecký a umělecký rozvoj v národě českém 1848—1899. Vydala Česká akademie cesáře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. V Praze. 1898	533
В. И. Черетцъ. <i>И. А. Шляжкинъ. Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени.</i> 1898	538
— Книжныя новости	549
— Наша учебная литература (разборъ 4 книгъ)	13

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

И. М. Гревсъ. Василій Григоріевичъ Васильевскій, какъ учитель науки	27
---	----

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Вич. П. Иванонъ. Первая ипейская ода Пиндара	49
Ф. Ю. Видоманчъ. О началѣ греческой письменности	57

О ВЪЯВЛЕНІИ.

Редакторъ Д. Радловъ.

(Вышла 1-го августа).

РАЗСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕ-РУССКИХ ПЛЕМЕНЬ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМЪ.

Думаемъ, что постепенное накопленіе свѣдѣній о вещественныхъ памятникахъ старины и систематическая обработка ихъ рано или поздно доставятъ весьма существенный матеріалъ для рѣшенія вопросовъ, касающихся даже глубокой древности славянъ, напимѣръ, вопроса о разселеніи ихъ въ древнѣйшую пору, а, быть можетъ, и объ ихъ происхожденіи. Надежда эта основывается на томъ, что во всѣхъ старо-славянскихъ земляхъ во множествѣ разбѣяны памятники древности, чрезвычайно разнообразны въ подробностяхъ, но въ то же время вполне одинаковы по общему типу, именно такъ называемыя поля погребальныхъ урнъ. Они-то и должны дать важный матеріалъ. При сличеніи, погребальныя урны ясно складываются въ группы, объединенныя сходствомъ самыхъ сосудовъ и находимыхъ въ нихъ предметовъ. Новѣйшія изъ этихъ группъ восходятъ приблизительно къ X вѣку, а древнѣйшія теряются въ каменномъ періодѣ. Безъ сомнѣнія, если бы удалось всему обширному матеріалу, представляемому полями погребальныхъ урнъ, дать надежную классификацію по времени и мѣсту, то мы имѣли бы въ немъ превосходное пособие для самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій по исторіи славянскаго племени. Испо, что такая задача даже неизбежна для славистовъ, можетъ быть нѣсколько односторонне сосредоточившихся на филологическихъ изысканіяхъ, но ясно также, что она представляетъ дѣло большой трудности, если судить по тому, что еще никто не рѣшился взять на себя ея исполненіе. Даже никѣмъ не сдѣлано попытки уяснить, какія погребальныя урны можно приписать славянамъ и какія ближе всего считать германскими или, быть можетъ, литовскими; не определено отношеніе по времени и народностямъ между погребеніемъ

урнѣ въ поляхъ и въ курганахъ, а также между погребеніями сожженныхъ и несожженныхъ труповъ, встрѣчаемыми въ древнѣйшихъ памятникахъ однихъ и тѣхъ же территорій. Основная работа о поляхъ погребальныхъ урнъ, Ундсета ¹⁾, представляетъ собою лишь географическій обзоръ распространенія этихъ памятниковъ древности въ германскихъ и славянскихъ областяхъ, безъ группировки ихъ по внутреннему содержанію и съ нѣсколькими поспѣшными выводами, не истекающими изъ матеріала.

Древности русской территоріи не могутъ быть исключены изъ труда, посвященнаго изысканіямъ о древнѣйшихъ судьбахъ славянства, въ особенности же памятники старины западной и юго-западной части Россіи. При существованіи древнѣйшаго географическаго центра славянъ въ Карпатахъ, по крайней мѣрѣ Волинь, Подоля и Кіевъ должны были входить въ разное время въ составъ ихъ исконныхъ земель. Здѣсь должны открыться обильные слѣды ихъ пребыванія и безъ сомнѣнія, въ томъ же видѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, то-есть въ видѣ тѣхъ же полей погребальныхъ урнъ, представляющихъ не малое разнообразіе въ зависимости отъ того, кѣмъ и когда заселена была извѣстная мѣстность.

Но въ Россіи, странѣ безчисленныхъ кургановъ, интересныхъ и мало изученныхъ, на изслѣдованіе полей погребальныхъ урнъ совершенно еще не обращено вниманія. Все, что мы имѣли въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени,—это свѣдѣнія о случайныхъ находкахъ урнъ съ сожженными костями въ немногихъ мѣстностяхъ, занесенныя въ текущую литературу, но никогда не возбуждавшія изысканій; даже нельзя было считать установленнымъ, дѣйствительно-ли у насъ имѣются поля урнъ, подобныя тѣмъ, какія извѣстны въ средней Европѣ. Зато въ послѣдніе 2 — 3 года, благодаря упорнымъ и счастливымъ раскопкамъ г. Хвойки въ Кіевской губ., въ Россіи открылись факты, которымъ, повидному, суждено имѣть не малое значеніе въ обще-славянской археологической и исторической литературѣ.

Въ 1897 и 1898 г. В. В. Хвойкою открыты были, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ с. Тринолья Кіевского уѣзда, особыя площадки изъ пережженной глины и земли, на которыхъ расположены многочисленные расписные сосуды разной величины и формы, въ цѣломъ видѣ и въ черепкахъ, а также кремневая подѣлки, камни, ра-

¹⁾ *Undset*, Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa. Hamburg. 1882.

ковины, грузила, немногія вещи изъ мѣди, зерна пшеницы, кости человѣка и животныхъ, а иногда зола и угли. Площадки эти размѣщаются рядами и бываютъ разнообразной формы — въ видѣ креста, угла, удлиненнаго прямоугольника и пр., размѣровъ отъ 15×25 до 44×32 арш. Онѣ лежатъ въ специальныхъ выемкахъ земли, на глубинѣ до 50 сант., идутъ обыкновенно въ нѣсколько слоевъ толщиной 5 — 10 сант. каждый и по вѣншему виду, растрескавшись отъ времени (?), напоминаютъ кладку изъ кирпичей. Наибольшее количество сосудовъ помѣщается у с.-з. края площадокъ. Большинство урнъ вѣдрено въ самихъ площадкахъ, причемъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены своего рода ниши, обмазанныя глиной. Ясныхъ слѣдовъ погребеній цѣлыхъ труповъ, повидимому, не отмѣчено, такъ какъ трудно признавать погребеніями найденныя на нѣкоторыхъ площадкахъ небольшіе остатки человѣческихъ череповъ. Правда, въ одной изъ площадокъ открыта могильная яма, въ которой лежалъ костякъ въ скорченномъ положеніи, но, кажется, самъ г. Хвойко склоненъ признавать это погребеніе впускнымъ. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сосудахъ найдены пережженные кости, то трудно сомнѣваться, что въ этихъ памятникахъ древности мы встрѣчаемся съ трупосожженіями. Большіе сосуды имѣютъ яйцевидную форму, прямыя днища и весьма часто отверстія безъ всякой каймы, малые имѣютъ видъ разнообразныхъ чашекъ и стопокъ, иногда двойныхъ; есть чашки на короткихъ ножкахъ, какъ древне-греческіе сосуды. Росписью снабжена вся наружная поверхность сосудовъ, а у чашекъ иногда и внутренняя; она состоитъ изъ линий волнистыхъ, спиральныхъ, треугольныхъ, косоугольныхъ, елочками, изъ характерныхъ крупныхъ завитковъ и пр. Цвѣта орнамента — оранжевый, красноватый, бѣлый, сѣрый, темно-красный, коричневый, черный. Иногда рисунокъ исполненъ углубленными линиями, и тогда онъ обыкновенно заполненъ бѣлою массою. Среди находокъ также интересны довольно необычныя по позамъ глиняныя статуэтки грубой работы. Кромѣ мѣстности раскопокъ г. Хвойки (Веремье и Жуковцы Кіевского уѣзда), тѣ же памятники древности въ разное время найдены были въ Кіевской губ. въ самомъ Кіевѣ, въ Грицинцахъ Каневского уѣзда, въ Васильковѣ Звенигородскаго, въ с. Крымокъ Чигиринскаго и въ м. Романовкѣ Сквирскаго уѣзда (здѣсь найдена камера изъ необожженнаго краснаго кирпича, въ которой оказались угли, зола, жженыя кости, грузила, нѣсколько сосудовъ и 6 статуэтокъ); найдены они еще въ Криничкахъ

Балтскаго уѣзда, Подольской губ. ¹⁾). На австрійскомъ Подолѣ, гдѣ поля расписныхъ урнъ открыты уже 20 лѣтъ тому назадъ, такіе памятники древности извѣстны болѣе, чѣмъ въ 12 мѣстахъ, главнымъ образомъ между Днѣстромъ и Збручемъ ²⁾). Особый интересъ имѣютъ для насъ раскопки этихъ „кирпичныхъ“ гробницъ въ Бильчѣ Злотомъ Борисовскаго повѣта; здѣсь мы съ полною отчетливостью наблюдаемъ совершенно тотъ же обрядъ погребенія въ урнахъ, какой господствуетъ во всѣхъ древнихъ погребеніяхъ славянскихъ земель и который можно признавать усвоеннымъ славянами и характернымъ для нихъ, именно помѣщеніе остатковъ сожженныхъ тѣлъ въ особыхъ грунтовыхъ камерахъ, въ урнахъ. Расписные сосуды, найденные въ другихъ мѣстностяхъ Днѣстра, а также по Серету и въ Румыніи, принадлежать, быть можетъ, къ тому же типу, какъ кievскіе и галицкіе; извѣстные силезскіе расписные сосуды, а также найденные въ Босніи, Моравіи, Нижней Австріи и въ Венгріи, повидимому, принадлежать другой эпохѣ, имѣютъ другой характеръ, хотя, можетъ быть, происходятъ изъ одного общаго источника, который пока еще невозможно указать ³⁾). Кіевскіе расписные сосуды въ высокой степени интересны тѣмъ, что формы ихъ и орнаментъ чрезвычайно разнообразны тѣмъ, что сосуды этого типа нигдѣ не найдены въ такомъ обиліи, и тѣмъ еще, что, повидимому, ихъ придется признать древнѣйшими изъ извѣстныхъ. Ихъ изученію должно лечь въ основу всякаго труда объ этомъ родѣ памятниковъ старины. На русской почвѣ культура расписныхъ сосудовъ является предшественницей эллинской, а, быть можетъ, и скифской. Она или одновременна культурѣ кургановъ съ окрашенными костяками, или нѣсколько раньше ея. Если обратиться къ историческимъ именамъ, то естественно назвать имя невровъ, какъ племени, о которомъ ближе всего вспомнить, обсуждая вопросъ, какому народу могли принадлежать днѣпровскіе и днѣстрианскіе расписные сосуды.

¹⁾ Ни здѣсь, ни въ дальнѣйшемъ изложеніи не помѣщаемъ ссылокъ на источники; ихъ можно найти въ нашихъ обзорнѣяхъ губерній въ археологическомъ отношеніи, помѣщенныхъ въ I, II и IV книгахъ Трудовъ Русск. Отдѣл. Имп. Русск. Археолог. Общ.

²⁾ О раскрашенныхъ сосудахъ Моравіи и Нижней Австріи см. у *Pallardi*, Die neolithisch. Ansiedelungen mit bemalten Keramik im Mähren und Niederösterreich in Mittheil. der prähist. Commis. der Kais. Akad. der Wissensch. B. I, № 4, 237—264.

³⁾ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. II, III, VIII, XIV, XV и XVIII

Въ предѣлахъ Россіи встрѣчаются и другіе памятники старины, имѣющіе близкое отношеніе къ вопросамъ по древнѣйшей исторіи славянъ, именно каменные кисты съ урнами, заключающими остатки трупосожженій. Такія кисты отмѣчены, правда, еще въ немногихъ мѣстахъ, но въ обширномъ районѣ, а это даетъ увѣренность, что современемъ ихъ найдено будетъ несравненно большее количество. Не говоря о Польшѣ, гдѣ каменныхъ кистъ извѣстно уже много, онѣ обнаружены еще въ Кіевской губ., именно близъ Глинницы, Минейки и Вышевачи по р. Тетереву, въ Волинской губ. въ с. Повомалинѣ Острожскаго уѣзда и въ д. Кременицѣ и въ Минской губ. въ д. Зыковцы Минскаго уѣзда. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ находимы были помѣщенныя въ кистахъ урны съ сожженными костями, болѣе мелкіе сосуды и различныя подѣлки каменнаго вѣка. Такія же кисты найдены еще на Бугѣ противъ Бреста (Костомлоты и Блотково), а также на Наревѣ (Пионтница Сувалкской губ.). Какъ извѣстно, въ наибольшемъ количествѣ каменные кисты встрѣчаются въ низовьяхъ Вислы, откуда онѣ заходятъ также на Варту и даже на Одеръ. Въ древностяхъ Пруссіи и Польши прослѣживается и переходъ отъ погребенія въ каменныхъ кистахъ къ погребеніямъ въ однихъ урнахъ безъ кистъ, доходящимъ въ этомъ видѣ до времени распространенія въ странѣ христіанства.

Но все это памятники древности той поры, которой едва лишь позволительно коснуться. Здѣсь только что накаплиются матеріалы, которыми воспользоваться врядъ ли когда-либо выпадетъ на нашу долю. Археологія выступаетъ болѣе рѣшительно тамъ, гдѣ она можетъ опираться на письменныя свидѣтельства, то-есть въ древностяхъ начиная отъ IX—X вѣка. Съ анализа лѣтописныхъ извѣстій мы и можемъ приступить къ изложенію нашей спеціальной темы.

Достойная удивленія по ширинѣ и опредѣленности картина расселенія древне-русскихъ племенъ, нарисованная Несторомъ, имѣетъ однако существенный недостатокъ—совершенное отсутствіе исторической перспективы. Нашъ лѣтописецъ не знаетъ, въ какой постепенности заселяли эти племена страну, не отмѣчаетъ, какъ они группируются по этнографической близости, какія изъ нихъ наиболѣе сильны и какія слабы. Это лишь каталогъ народовъ, какіе мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ географіяхъ и периплахъ, достаточныхъ для цѣлей политическихъ и торговыхъ, но совершенно неудовлетворительныхъ въ отношеніи этнографическомъ. Лѣтопись даетъ простое перечисленіе племенныхъ названій по мѣстностямъ, какъ они установились въ практиче-

скомъ употребленіи у кievлянъ XI вѣка. Скупость ея по части этнографическихъ подробностей, быть можетъ, объясняется также и тѣмъ, что составлена она въ эпоху единообразнаго политическаго настроенія, когда для наблюдателя изъ центра племеннаго мѣстнаго отличія не имѣли ни цѣны, ни интереса. Кромѣ того, первоначальная лѣтопись наша знаетъ лишь преданіе о послѣднемъ движеніи славянъ къ Днѣпру, связанное съ именемъ аваровъ и дулѣбовъ и сохранившееся у кievской Руси; если она и включаетъ въ общую картину расселенія славянъ по Русской землѣ также имена современныхъ сѣверныхъ племенъ, то скорѣе ради единообразія литературнаго приѣма. Этотъ недостатокъ историко-этнографической перспективы въ сказаніяхъ лѣтописи и должна попытаться пополнить археологія, вмѣстѣ съ филологією и антропологією. На долю этихъ наукъ падаетъ и другая, неизбѣжная задача по отношенію къ разказу Нестора о расселеніи древне-русскихъ племенъ—провѣрить самый перечень племенъ, имъ представленный. Какъ ни цѣнно, какъ ни заслуживаетъ довѣрія свидѣтельство современника, оно всегда должно быть взвѣшено и оцѣнено, прежде чѣмъ имъ пользоваться.

Въ послѣднее время филологія, очевидно, уже начинаетъ чувствовать себя въ силахъ исполнить предстоящую ей задачу. Всего яснѣе выражается это въ осторожныхъ, но огромныхъ трудахъ проф. Соболевскаго и въ смѣлой картинѣ расселенія древно-русскихъ племенъ, нарисованной такъ недавно академикомъ Шахматовымъ. Вполнѣ сознаемъ, что роль археологіи еще впереди. Если филологія чувствуетъ недостаточность наблюденій и фактовъ, то въ еще большей мѣрѣ это примѣнимо къ археологіи, матеріалъ которой добывается съ несравненно большими усиліями: онъ еще незначителенъ, крайне разбросанъ, отрывоченъ, неполонъ. Но все же, повидимому, пришло время собрать воедино то, что уже добыто: быть можетъ, даже простое сличеніе матеріала дастъ нѣкоторые положительные результаты, а кромѣ того, оглянувшись на пройденное, легче будетъ видѣть, куда слѣдуетъ идти далѣе. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, мы смѣло вводимъ читателя въ несомнѣннѣе обычную область, гдѣ господствуетъ своя особая терминологія, особый матеріалъ, особые приемы изслѣдованія.

(Обращаемся прежде всего къ древнѣйшему періоду, памятникамъ IX и X вѣковъ.

Несторъ (и только онъ одинъ) даетъ намъ весьма цѣнное указаніе объ обрядѣ погребенія у русскихъ славянъ въ эпоху образованія

нашего государства: „Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, а посемь творяху краду велику, и възложашуть и на краду, мертвеца сожжашу, и посемь собравше кости вложашу въ судину малу, и поставляху на столпѣ на путехъ“. Повидимому, лѣтопись усволяетъ такой обрядъ погребенія всѣмъ безъ различія русскимъ племенамъ языческой поры. Уже это одно говорить не въ пользу точности приведеннаго извѣстія. Другія подробности его еще болѣе усиливаютъ недоумѣніе. Слово „столпѣ“ нельзя принимать въ буквальный смыслъ, такъ какъ погребенія на деревянномъ столбѣ или въ немъ (напримѣръ, въ нишѣ) не имѣютъ нигдѣ аналогій и невозможны, а каменныхъ столбовъ совершенно неизвѣстно. Въ сосудцы „малые“ прахъ никогда не былъ собираемъ; напротивъ, сожженные кости всегда помѣщались въ сосудахъ большихъ размѣровъ, а малые ставились при нихъ съ пищей и питьемъ. Поставленіе сосудовъ „на путехъ“ очень вѣроятно, такъ какъ пути какъ разъ соединяютъ всегда самыя удобныя и живописныя мѣста, естественно избираемыя и какъ мѣста погребенія, но возводить устройство кладбищъ на дорогахъ въ общее правило врядъ ли у кого-либо входило въ намѣренія. Очевидно, что въ XI вѣкѣ преданія о старомъ обрядѣ погребенія у русскихъ племенъ сохранялись уже весьма неточныя, и изъ приведеннаго разказа лѣтописи можно принять лишь самое существенное, именно указаніе, что русскія племена въ періодъ до призванія варяговъ и до принятія христіанства подвергали своихъ покойниковъ сожженію, причемъ прахъ ихъ былъ собираемъ въ урны, а урны помѣщались въ особыхъ мѣстахъ, сосредоточенно, или разсѣянно. Курганы еще совершенно отсутствуютъ. Въ этомъ видѣ описанный Несторомъ обрядъ погребенія вполне совпадаетъ съ тѣми данными, которыя имѣются о способѣ погребенія въ такъ называемыхъ поляхъ урнъ, характерныхъ для всѣхъ славянскихъ странъ. Такія поля урнъ мы и должны ожидать встрѣтить у древне-русскихъ племенъ, по меньшей мѣрѣ у юго-западныхъ, преданія которыхъ Нестору были доступны.

Несомнѣнные слѣды погребеній въ отдѣльныхъ урнахъ у насъ уже найдены, въ бассейнѣ Днѣпра, но пока въ ограниченномъ количествѣ. Одна урна со жжеными костями найдена въ Кіевѣ близъ Іорданской церкви; такія же урны найдены были на рѣкѣ Тасминѣ въ деревнѣ Рейментаровкѣ Чигиринскаго уѣзда, одна урна найдена на правомъ берегу Роси противъ с. Телѣжинецъ Таращанскаго уѣзда, одна близъ деревни Саверцы Сквирскаго уѣзда, одна близъ г. Канева и еще какая то „пепельница“ открыта была въ давнее время въ Хо-

доровѣ надъ Днѣпромъ (въ Каневскомъ уѣздѣ). Противъ Кіева въ Пикольской слободѣ въ песку обнаружены разбитые грубой работы сосуды со жжеными костями внутри, и тутъ же открыты жженные точки. Недалеко отъ Переласлава Полтавской губерніи у села Хоцки открыты 2 урны съ жжеными костями и близъ нихъ найдены каменные, мѣдные и желѣзные наконечники стрѣлъ. На Волини извѣстна одна только мѣстность, гдѣ была найдена урна, да и то неизвѣстно, того ли погребальнаго обряда, о которомъ мы говоримъ, именно въ деревнѣ Пусто-Иваньѣ близъ Дубна. Урны съ сожженными костями встрѣчены и въ Галиціи, напримѣръ въ Квачалѣ. Въ предѣлахъ юго-западной Руси есть еще мѣстность, гдѣ встрѣчены поля погребальныхъ урнъ, именно теченіе Буга близъ Бреста. Здѣсь въ Костомлогахъ найдены прикрытыя блюдами урны съ сожженнымъ прахомъ, въ которыхъ оказались также различныя металлическія подѣлки. Ближайшими кандидатами на эти урны могли бы быть, на первый взглядъ, западные сосѣди наши, поляки, но въ виду извѣстія Нестора объ обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ дулѣбахъ необходимо обождать съ рѣшеніемъ вопроса, кому онѣ могли принадлежать, какъ и урны, найденныя на Наревѣ (Піонтница, Тыцокинь) и даже сѣвернѣе, въ бассейнѣ рѣки Нѣмана (Черниковизна и Юстиново Сувалкской губ.).

Вотъ и все, что пока извѣстно о существованіи полей погребальныхъ урнъ къ востоку отъ Польши, страны, столь богатой такими полями. Усилія археологовъ и любителей въ будущемъ, несомнѣнно, очень умножатъ эти свѣдѣнія, если на отысканіе погребальныхъ урнъ будетъ обращено достаточно вниманія. Выше Припяти мы не знаемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ погребеній докурганнаго періода и не знаемъ, гдѣ ихъ искать. Одно можно утверждать, что, по всей вѣроятности, и здѣсь было въ обычаѣ сожженіе труновъ, если судить по тому, что этотъ обрядъ сохранился въ данныхъ мѣстностяхъ еще довольно долгое время и съ появленіемъ обычая сооружать курганы.

Слѣдующій у насъ по времени за погребеніемъ въ урнахъ обрядъ погребенія сожженнаго трупа въ курганахъ—господствуетъ въ русскихъ земляхъ въ теченіе всего X вѣка, но появляется онъ ранѣе, быть можетъ, въ половинѣ IX вѣка, въ Новгородской области, на р. Волховѣ. Курганы этой мѣстности вообще имѣютъ большой объемъ. Это настоящіе гиганты въ сравненіи съ позднѣйшими русскими курганными насыпями; крупнѣйшій изъ раскопанныхъ на Волховѣ кургановъ имѣлъ въ вышину около 14 арш., но есть и болѣе высокіе. Это крѣпкія крутобокія насыпи, обыкновенно окруженныя по подошвѣ

крупными камнями, изрѣдка представляющими родъ стѣны или цоколя. Въ основаніи всѣхъ безъ исключенія насыпей примѣтень черныи слой съ мелкими кусочками угля, и у большинства здѣсь же расположены различныя сооруженія изъ валуновъ и плить, въ видѣ кучъ, стѣнокъ, угловъ и небольшихъ помостовъ; вблизи такихъ сооруженій обыкновенно попадаются угли, а иногда сожженные кости человѣка. Въ разрѣзѣ насыпи на ея срединѣ обыкновенно виденъ слой непла, идущій куполообразно отъ самаго низа. Обрядъ погребенія—сожженіе въ могилы. Остатки сожженныхъ костей помѣщаются въ насыпи, чаще всего недалеко отъ ея вершины, иногда въ глиняномъ сосудѣ; иногда же они оказываются въ срединѣ насыпи или даже въ особой ямкѣ, вырытой въ материкѣ. Въ средней части нѣкоторыхъ высокихъ насыпей, между подошвой ихъ и вершиной, заложены еще другіе помосты и сооруженія изъ камней, съ костями и безъ костей. Находки вещей бывають самыя незначительныя. Между горами камней и въ сосудахъ вмѣстѣ съ сожженными костями попадаются отдѣльныя кости домашнихъ и дикихъ животныхъ. Таковъ общій видъ новгородскихъ сопокъ, распространенныхъ по всѣмъ главнымъ воднымъ путямъ края—Волхову, Ловати, Метѣ. Безъ сомнѣнія, къ этому же типу принадлежать высокіе курганы, извѣстные въ Смоленской губ. (близъ Смоленска), въ Черниговской (Черная могила въ Черниговѣ), въ Кіевѣ (Аскольдова могила) и на Волыни (Искорость). Вещи, найденныя въ сопкахъ, можно относить ко времени не позднѣе X вѣка, но между ними есть такія, которыя приходится опредѣлять IX вѣкомъ, если даже не концомъ VIII вѣка; такова особенно мѣдная бляшка-тройчатка, найденная въ одной изъ волховскихъ сопокъ. Одновременно съ крупными сопками, безъ сомнѣнія, сооружались и курганы средней высоты, начиная отъ 3-хъ аршинъ; съ теченіемъ времени появляются, еще въ X вѣкѣ, курганы малые отъ 1½ арш. высотой, которые въ XI вѣкѣ уже преобладають.

Курганы типа новгородскихъ сопокъ являються у насъ не путемъ постепеннаго развитія, а вразъ. Откуда именно—въ этомъ не трудно разобратъся. Это курганы самыя ранніе изъ числа собственно-русскихъ, распространяются они сперва въ Новгородской области и по своему устройству одинаковы съ курганами скандинавскими—всѣ эти данныя говорятъ ясно и рѣшительно, что наши сѣверныя сопки оставлены отчасти самими норманнами, а главнымъ образомъ новгородцами, перенявшими у норманновъ обычай погребенія въ сопкахъ, какъ не противорѣчащій ихъ религіознымъ взглядамъ. Въ Скандинавіи ближайшую

аналогію новгородскія сопки имѣютъ въ извѣстныхъ курганахъ Одина, Фрея и Тора, раскопанныхъ близъ Упсалы. Изъ нихъ курганъ Торъ имѣлъ въ вышину до 5 сажень. Въ центрѣ основанія его помѣщалась куча камней, прикрывавшая сожженные кости человѣка и животныхъ, и подобная же находилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центра. Въ насыпи была примѣтна темная прослойка, идущая куполообразно, а ближе къ вершинѣ оказалось еще нѣсколько камней, со слѣдами при нихъ угля. Въ курганѣ Одина сожженные кости сложены были въ урну, помѣщенную въ грунтовой ямѣ. Найденныя въ упсальскихъ курганахъ вещи говорятъ за время, предшествующее новгородскимъ сопкамъ ¹⁾. Въ курганѣ, раскопанномъ близъ Мёклебюста и имѣвшемъ въ вышину около 2-хъ сажень, сожженные кости помѣщены были также въ грунтовой ямѣ; въ основаніи насыпи находились остатки кострища, а самый курганъ обнесенъ былъ рвомъ съ перемычками. Этотъ курганъ по времени, повидимому, уже прямо соответствуетъ древнѣйшимъ новгородскимъ сопкамъ ²⁾.

Естественно думать, что съ водвореніемъ въ русской землѣ норманновъ въ качествѣ правящаго класса курганный обрядъ погребенія дѣлается здѣсь покровительствуемымъ, послѣ господствующимъ и наконецъ государственнымъ. Принятіе христіанства, соединенное съ полнымъ и общимъ признаніемъ Рюриковичей, нисколько не помѣшало дальнѣйшему усвоенію и развитію обычая соорудить погребальныя курганы. Христіанство и курганы идутъ у насъ рука объ руку.

Принимая это положеніе, археологъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ показать всю постепенность дальнѣйшаго перехода на русской почвѣ отъ одного типа курганныхъ насыпей къ другимъ, и отъ этихъ къ слѣдующимъ, пока онѣ совершенно здѣсь не исчезаютъ, вырождаясь въ общій типъ христіанскихъ погребеній. Только въ такомъ случаѣ предположеніе это можетъ составить прочное достояніе науки. Къ сожалѣнію, при недостаткѣ изслѣдованій мы пока лишены возможности указать эти переходы. Правда, представляется несомнѣннымъ, что древнѣйшіе курганы появляются въ сѣверно-русскихъ областяхъ, послѣ они переходятъ въ восточныя и, наконецъ, въ юго-западныя земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя считать вполне доказаннымъ, что исход-

¹⁾ Kongl. Vitterh. Hist. och. Antiqv. Akad. Månadsblad. IV, стр. 250—260.

²⁾ См. въ интересной статьѣ г. Щепкина, Скандинавскій обрядъ погребенія съ кораблемъ, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894, 9.— Скандинавскіе курганы происходятъ, безъ сомнѣнія, отъ кургановъ сѣверной Германіи.

нымъ пунктомъ распространенія кургановъ во всѣхъ областяхъ послужили именно новгородскія сопки. Во-первыхъ, курганы болѣе ранняго времени, чѣмъ въ русскихъ земляхъ, извѣстны на ихъ западной окраинѣ, въ бассейнѣ р. Нѣмана; эти курганы заключаютъ въ себѣ также остатки сожженныхъ труповъ, также кругомъ основанія имѣютъ рвы и вѣнцы изъ камней¹⁾. Во-вторыхъ, древніе курганы съ сожженіемъ имѣются также въ Галиціи, и врядъ-ли они возникаютъ здѣсь подъ вліяніемъ норманновъ, какъ и связанные съ ними курганы другихъ славянскихъ земель, напримѣръ Чехіи. Въ связи съ галицкими курганами находятся, по всей вѣроятности, и курганныя насыпи ранней поры, расположенныя между Бугомъ и Вислою, происхожденіе которыхъ тоже врядъ-ли можетъ быть объяснено русскимъ, южнымъ или сѣвернымъ вліяніемъ. Есть и еще какіе-то давніе курганы съ сожженіемъ по р. Угрѣ въ Калужской губ., которые также нельзя рѣшиться положить въ число развившихся подъ норманскимъ вліяніемъ. Наконецъ, въ области кривичей имѣются совершенно особые древніе курганы въ видѣ валовъ, неизвѣстные, насколько мы знаемъ, въ Скандинавіи.

Оставляя до будущаго изысканій столь осложненный вопросъ о происхожденіи курганнаго погребальнаго обычая въ отдѣльныхъ концахъ русскихъ земель, приступаемъ къ изложенію имѣющихся свѣдѣній о нашихъ курганахъ X вѣка, по областямъ.

Въ Новгородской области сопки описаннаго типа, а также курганы съ сожженіемъ меньшей величины изслѣдованы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, составляющихъ какъ-бы особые географическіе районы: въ низовьяхъ Волхова (Ладога, Архангельскій погостъ), въ низовьяхъ Ловати (раскопки Л. К. Иванова), окрестности озера Сямро въ Петербургской губ. (погосты Доложскій, Лосицкій и Горнечное), въ верховьяхъ Мсты въ Боровичскомъ уѣздѣ (Юрьева, Гридино, Рыкачово, Горки, Любинецъ и пр.) и, наконецъ, въ Вѣжецкомъ верхѣ (Маслово, Абакумово, Городище, Залужье, Боженки, Вѣжецкъ), всего 5 районовъ.

Древнѣйшими курганами въ странѣ кривичей, общими для кривичей, полоцкихъ, смоленскихъ и псковскихъ, являются курганныя насыпи въ видѣ валовъ, имѣющихъ въ длину иногда до десятка сажень. У псковичей такіе курганы извѣстны въ Гдовѣ, близъ Пскова

¹⁾ *Спицкая*, Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX вѣка. Труды Русск. отдѣл. Императ. Русск. Археолог. Общества, кн. I, 103—114.

(Логасовичи) и Опочки, у полочанъ близъ Себежа, Сѣнно и въ Борисовскомъ уѣздѣ, у смоленскихъ кривичей главнымъ образомъ въ Смоленскомъ и Духовщинскомъ уѣздахъ (Лонино, Арсфино, Городокъ, Мядынь, Хотынь, Ярцева, Дрокова), а также въ Вѣльскомъ; какъ на самый окраинный курганъ этого типа можемъ указать на насыпь въ видѣ вала, расположенную близъ с. Извѣдова на самыхъ верховьяхъ Волги въ Осташковскомъ уѣздѣ. Кажется, что смоленскіе длинные курганы вообще короче, чѣмъ полоцкіе. Есть указанія, что полоцкіе длинные курганы заключаютъ рядъ погребальныхъ урнъ съ сожженными костями, помѣщенныхъ въ верхней части насыпи; смоленскіе курганы этого типа заключаютъ, кажется, въ одномъ концѣ кострище, а въ другомъ сожженные кости; однако до опубликованія результатовъ произведенныхъ въ нихъ раскопокъ мы лишены возможности имѣть точное сужденіе о наблюдаемомъ въ нихъ обрядѣ погребенія. Точно также еще не выдѣлены вещи, найденныя въ этихъ курганахъ, и мы не можемъ составить яснаго представленія объ ихъ типахъ. Если, какъ мы считаемъ за вѣроятное, длиннымъ смоленскимъ курганамъ принадлежатъ желѣзные удила съ усиками, желѣзные пряжки старыхъ типовъ, характерныя обоймицы въ видѣ лоточка съ ушкомъ, большой мѣдный бубенчикъ, мѣдная подвѣска въ видѣ колпачка съ пластинчатыми привѣсками, спиральки и синія бусы, то ихъ можно относить къ IX и началу X вѣка, а самую культуру сближать съ древностями предполагаемыхъ литовскихъ кургановъ и отчасти съ древностями Люцинскаго могильника.

Остальные курганы съ сожженіемъ въ странѣ кривичей имѣютъ обыкновенную полушарую форму. Исслѣдованныя близъ погоста Лыбуты псковскія сопки имѣли вышину отъ $3\frac{1}{4}$ до $5\frac{1}{2}$ арш., то-есть, сравнительно большую. Въ насыпи на высотѣ $\frac{2}{3}$ отъ подошвы найдены были кострища или, вѣрнѣе, остатки кострищъ съ сожженными костями, среди которыхъ попадались различные, попорченныя огнемъ, предметы (черепки сосудовъ съ волнистымъ орнаментомъ, мѣдныя спиральки, желѣзные пряжки, бусы, бляшки отъ пояснаго набора, желѣзные обоймицы съ ушкомъ на концѣ и пр.). Близъ одного изъ кургановъ найденъ самый очагъ, на которомъ производилось сожженіе труновъ. Онь состоялъ изъ круглаго булыжнаго помоста до 2 арш. въ діаметрѣ. Камни помоста оказались перекаленными, а между ними найдены мѣдныя слитки, обломки перегорѣвшихъ желѣзныхъ вещей и мелкіе черепки отъ сосудовъ. Въ самомъ большемъ изъ кургановъ трупъ сожженъ былъ въ насыпи, также на высотѣ $\frac{2}{3}$ отъ основанія, въ особомъ деревянномъ домищицѣ, составленномъ изъ березовыхъ плахъ.

На одномъ изъ кострищъ оказались поврежденные кости коня. Вещи, найденныя какъ въ описанныхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ псковскихъ курганахъ, принадлежатъ къ типамъ Люцинскаго могильника. Про окрестности Пскова можно сказать, что обычай погребенія въ курганахъ здѣсь существовалъ, кажется, недолгое время, такъ какъ въ XI вѣкѣ въ этой мѣстности уже появляются жалынки.

Въ землѣ полоцкихъ кривичей наибольшее количество кургановъ съ сожженіемъ найдено между верховьями Березины и ближайшею частью Западной Двины, въ Лепельскомъ и Сѣннинскомъ уѣздахъ. Большинство лепельскихъ кургановъ въ основаніи окружены рвами. Сожженіе въ нихъ совершается на мѣстѣ, въ насыпи, какъ въ псковскихъ курганахъ; съ послѣдними они, повидимому, общи и по составу находокъ. Въ нѣкоторыхъ лепельскихъ курганахъ, какъ и въ сѣннинскихъ, сожженные кости помѣщены почти на самомъ верху насыпей. Вѣроятно, полоцкимъ кривичамъ принадлежатъ и курганы съ сожженіемъ, изслѣдованные въ Себежскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Псковскою губ. (Чернея, Шалелово, Грицково). Сожженіе произведено или внѣ кургана, или въ курганѣ, на его основаніи; въ первомъ случаѣ сожженные кости всего чаще помѣщаются близъ вершины насыпей, а въ второмъ онѣ сгруживаются въ одну кучку на кострищѣ и прикрываются сосудомъ. Въ основаніи одного изъ кургановъ оказался выложенный камнемъ очагъ, засыпанный золой и углемъ, какъ описанная выше площадка у кургана Лыбутскаго пог. Вещей найдено очень мало, и онѣ всѣ принадлежатъ къ типамъ Люцинскаго могильника. Въ одномъ изъ сѣннинскихъ кургановъ найденъ диргеиъ 914 г., безъ ушка и отверстія. По всей вѣроятности, полоцкимъ кривичамъ слѣдуетъ приписать также курганы съ сожженіемъ, изслѣдованные по лѣвую сторону Двины въ окрестностяхъ города Браслава, основаннаго въ началѣ XI вѣка (имѣніе Бельмонтъ, Олса, Довборы, Богань, Браславъ Ковенской и отчасти Виленской губерніи). Здѣшніе курганы вообще не высоки, сожженные кости помѣщены на поверхности материка или въ насыпяхъ, въ срединѣ или на верху ихъ, въ основаніи почти всѣхъ кургановъ рвы. Основаніе одного кургана занято площадкою изъ камней. Нѣкоторыя насыпи имѣютъ форму продолговатаго четырехугольника и тѣмъ напоминаютъ смоленскіе продолговатые курганы. Большинство найденныхъ предметовъ представляетъ люцинскіе типы ¹⁾.

¹⁾ Найденные близъ браславскихъ кургановъ земляные валы въ видѣ круглыхъ колецъ не есть ли также мѣстное видоизмѣненіе кургановъ?

Въ землѣ смоленскихъ кривичей курганы X вѣка съ сожженіемъ прекрасно представлены огромною группою, расположенною при д. Гнѣздово, на мѣстѣ стараго Смоленска. Большинство гнѣздовскихъ курганныхъ насыпей имѣютъ небольшіе размѣры, но между ними есть также и насыпи значительной вышины. Сожженіе совершается и въ курганахъ, и внѣ ихъ. На кострищахъ иногда встрѣчаются группы камней или отдѣльные большіе камни, роль которыхъ еще не выяснена; быть можетъ, на нихъ опирался трупъ при сожженіи, такъ какъ есть основанія предполагать, что въ нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностяхъ, хотя, вѣроятно, и не всегда, покойники сжигались въ сидячемъ положеніи, какъ знатный русскій Ибнъ-Фадланъ въ Болгаряхъ. Остатки отъ трупа, сожженного на сторонѣ, помѣщаемы были въ глиняномъ сосудѣ въ нижней или верхней части насыпи. Самый крупный курганъ изъ изслѣдованныхъ въ гнѣздовской группѣ имѣлъ 14 арш. вышины; въ немъ было найдено много интересныхъ вещей, лежавшихъ на особой каменной площадкѣ, на половинѣ высоты насыпи. Раскопки кургановъ въ Гнѣздовѣ дали весьма значительную и интересную коллекцію находокъ. Любопытно то, что среди нихъ вовсе не найдено предметовъ Люцинскаго могильника; всѣ вещи относятся къ болѣе позднему времени и совершенно другимъ культурамъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ предметы такъ называемыхъ скандинавскихъ типовъ: характерные мечи, разнообразныхъ формъ мѣдная фибулы и бляхи съ скандинавскимъ узоромъ, пряжки и пр. На второмъ мѣстѣ стоятъ вещи, по всей вѣроятности, восточнаго происхожденія, главнымъ образомъ узорчатые поясные бляшки, а на третьемъ—неопредѣленнаго еще происхожденія серебряныя лунницы и бляхи съ зерновымъ орнаментомъ. Найдены еще: шлемъ, украшенія щитовъ, наконечники копій и стрѣлъ, желѣзныя и мѣдныя шейныя гривны, стекляшныя бусы, браслеты, перстни, оковка рога, игральныя косточки, вѣсовыя гирьки, гребни и пр. Въ числѣ особенныхъ предметовъ могутъ быть паззаны поливная фаянсовая тарелка съ изображеніемъ дракона и мѣдная лампочка въ видѣ женской головки, то и другое восточнаго происхожденія. Изъ костей животныхъ въ курганахъ встрѣчены отдѣльныя кости коня, собаки и птицъ. Гнѣздовскаго типа курганы съ сожженіемъ встрѣчены до сихъ поръ лишь въ западной части Смоленской губерніи, въ Смоленскомъ, Духовницкомъ и Порѣчскомъ, а отчасти въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Выше отмѣчено, что въ смоленскомъ краѣ имѣются и болѣе древніе курганы, отличающіеся продолговатою формою и заключающіе предметы дру-

гаго типа. Культура гнѣздовскихъ кургановъ отлично характеризуется также составомъ извѣстнаго гнѣздовскаго клада 1868 г. Быть можетъ, къ числу смоленскихъ кургановъ нужно причислить также курганы съ трупосоженіемъ, раскопанные въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губ. на верховьяхъ Десны; по крайней мѣрѣ въ XI вѣкѣ здѣсь сидятъ кривичи.

Если въ руссахъ Ибнъ-Фадлана видѣть дѣйствительно русскихъ, то для оставленныхъ ими въ Болгарахъ кургановъ аналогію ближе всего искать въ курганахъ смоленскихъ, уже просто потому, что Смоленскъ былъ ближайшій къ Болгарамъ русскій торговый центръ. Въ самомъ дѣлѣ, немногочисленные вещи, найденныя въ тѣхъ казанскихъ курганахъ, которые можно признавать принадлежащими руссамъ ¹⁾, примыкаютъ ближайшимъ образомъ къ древностямъ Западной Двины (скандинавскій мечъ и гвоздевидныя украшенія пояса). Впрочемъ, подобныхъ предметовъ въ Скандинавіи встрѣчается еще болѣе, чѣмъ у насъ на Двинѣ. Вообще археологія врядъ-ли поможетъ рѣшить спорный вопросъ о народности болгарскихъ руссовъ, такъ какъ специально-русскихъ вещей изъ находокъ въ курганахъ X вѣка мы не знаемъ, а, по всей вѣроятности, ихъ вовсе и не было въ эту пору. Одна и та же вещь могла принадлежать и норманну, и русскому. Скорѣе можно допустить, что руссы Ибнъ-Фадлана были норманскіе купцы (быть можетъ, проживавшіе и у насъ), такъ какъ ни въ одномъ изъ раскопанныхъ до сихъ поръ въ Россіи кургановъ не было найдено слѣдовъ того обряда погребенія въ ладѣ, какой видѣлъ арабъ X вѣка въ Болгарахъ, и какой составляетъ видную особенность кургановъ Скандинавіи ²⁾.

Въ странѣ сѣверянъ курганы съ соженіями встрѣчены въ значительномъ количествѣ. Въ Черниговѣ и его окрестностяхъ раскопано было нѣсколько большихъ кургановъ типа повгородскихъ сопокъ. Кострища здѣсь расположены въ основаніи курганныхъ насыпей. Вещи найдены какъ на остаткахъ костра, такъ и въ отдѣльномъ слѣ, помѣщенномъ въ насыпи, иногда въ сосудѣ. Онѣ очень разнообразны и занимательны. Типы ихъ тѣ же, какъ въ гнѣздовскихъ курганахъ, но подблѣкъ скандинавскаго характера пока здѣсь найдено менѣе, а бляшекъ отъ пояснаго набора больше. Болѣе простой и рас-

¹⁾ *Штукенбергъ*, Древняя курганная могила около д. Булымерь.—Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Имп. Каз. Унив. т. X, в. 2, 155—160.

²⁾ См. указавшую выше статью г. *Щенкина*.

пространенный сѣверянскій обычай погребенія состоитъ въ томъ, что остатки отъ сожженнаго на сторонѣ трупа помѣщаются въ верхней части невысокихъ курганныхъ насыпей. Курганы этого типа раскопаны въ значительномъ количествѣ между Любечемъ и Черниговомъ по обомъ берегамъ нижняго теченія р. Сейма, отъ Рыльска до устья, въ окрестностяхъ Курска, а также въ верховьяхъ Псла и Ворсклы (Сумы, Мирополье и пр.). Въ приднѣпровской части Переяславскаго княженія такихъ кургановъ не найдено, быть можетъ, по недостатку изысканій. Находокъ въ сѣверянскихъ курганахъ этого типа встрѣчено очень мало, и онѣ въ такомъ видѣ, что о типахъ ихъ невозможно имѣть сужденія.

Въ радимичскихъ курганахъ слѣды трупосоженій очень рѣдки. Кострище помѣщается въ основаніи кургана, или же на нѣкоторой высотѣ; сожженные кости или оставляются нетронутыми на мѣстѣ, или сгруживаются въ одну кучку, или же помѣщаются въ отдѣльномъ слои выше кострища. Такимъ образомъ обрядъ трупосоженія здѣсь не представляетъ никакихъ мѣстныхъ особенностей. Надъ однимъ сожженнымъ трупомъ устроенъ былъ деревянный срубъ изъ крупныхъ бревень, какъ въ нѣкоторыхъ курганахъ дреговичей и волынянъ, болѣе позднихъ.

Столь же рѣдко встрѣчаются курганы съ соженіемъ въ сѣверной части дреговической земли, но въ Рѣчицкомъ уѣздѣ четвертая часть изслѣдованныхъ курганныхъ насыпей оказалась со слѣдами трупосоженій. Характерныхъ особенностей дреговичскіе курганы X вѣка не имѣютъ. Сожженіе производится на мѣстѣ, въ основаніи насыпи, кости остаются на кострищѣ или же помѣщаются выше, въ насыпи, въ сосудахъ и безъ нихъ.

Повидимому, весьма немногочисленны курганы съ соженіями и у полянъ. Они отмѣчены близъ Кіева (Совки, Китаева пустынь), ниже по Днѣпру въ Халепѣ и Ржищевѣ, въ низовьѣ Роси (Лблуневѣ), въ верховьѣ Роси (Сквирка) и въ верховьѣ р. Здвижа (Грубскъ); кажется, курганы съ соженіемъ попадались и въ самомъ Кіевѣ (на Подолѣ). Насколько можно судить по имѣющимся отрывочнымъ даннымъ, въ полянскихъ курганахъ соженіе производимо было на мѣстѣ, на поверхности материка, а чаще въ насыпи, иногда на особыхъ точкахъ. Однажды сожженные кости лежали на днѣ довольно глубокой грунтовой ямы, на слоѣ бѣлаго песку. ¹⁾ Въ одномъ изъ

¹⁾ Курганы съ соженіемъ въ ямѣ встрѣчены еще въ Галиціи. См. Zbiór wiadom. t. VIII, 49 и сл.

кургановъ съ сожженіемъ при дер. Самгородокъ Сквирскаго у. найдень былъ цѣлый пластъ глиняныхъ сосудовъ числомъ до 50, заключающихъ золу, жженыя кости и различныя вещицы; другой курганъ той же группы состоялъ изъ 7 пластовъ изгнившаго дерева и изъ 7 слоевъ золы, угля и жженныхъ костей.

Близъ с. Томашевки Уманскаго у., въ бассейнѣ р. Буга, раскопанъ былъ курганъ, въ основаніи котораго лежали, вверхъ дномъ, 5 сосудовъ изъ желтой глины, наполненные золою; сосуды были обложены сверху камнями. Если это славянскіе курганы, то нельзя ли основываясь на отличіяхъ наблюдаемаго въ нихъ обряда погребенія, отнести ихъ къ тиверцамъ.

На Волынн кургановъ со слѣдами трупосожженій почти совершенно не найдено; здѣсь они извѣстны лишь изъ раскопокъ близъ Заславля (Остроля, Плужное, Корыстное). Въ Галиціи они есть, хотя также въ небольшомъ количествѣ.

По теченію р. Буга въ окрестностяхъ Дрогичина Гродненской губ. и въ Люблинской губ. (въ Грубешовскомъ, Холмскомъ и Люблинскомъ уѣздахъ) изслѣдованы невысокіе курганы съ сожженіемъ. Въ основаніи насыпей — кострища; въ одномъ изъ кургановъ кострище располагалось на слобѣ камня. Остатки отъ сожженного трупа помѣщались въ верхней части насыпей. Вещей въ этихъ курганахъ пока не найдено никакихъ, кромѣ черепковъ. Орнаментъ сосудовъ составленъ или изъ многихъ параллельныхъ линий, или изъ городковъ. Повидимому, такіе же курганы имѣются еще и въ Сѣдлецкой губ. Ихъ естественнѣе всего приписать бужанамъ.

На крайнемъ востокѣ русскихъ земель курганы съ трупосожженіями въ весьма небольшомъ количествѣ были раскопаны въ землѣ вятичей (близъ дер. Голубочки и Городища Бѣлевскаго у.). Трудно допустить, что эти курганы принадлежать именно вятичамъ, такъ какъ у нихъ курганный обрядъ погребенія появился позднѣе, вѣроятно, въ концѣ XI вѣка.

Въ Ростовской области, занятой смѣшаннымъ русскимъ населеніемъ, курганы съ сожженіемъ встрѣчаются довольно часто, что прежде всего показываетъ, какъ энергично Ростовъ заселялся уже въ X вѣкѣ. Наиболѣе интенсивно курганы съ сожженіемъ располагаются въ окрестностяхъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ края—Ростова, Переяславля и Ярославля; не мало ихъ и около Суздаля. Ярославскіе курганы X вѣка по находкамъ и обряду погребенія представляютъ полное подобіе гнѣздовскихъ смоленскихъ. Въ основаніи насыпей

обыкновенно помѣщается кострище. Сожженіе чаще производится на мѣстѣ, причѣмъ остатки костей сгруживаются въ кучку; иногда же они помѣщаются въ насыпи. Устройство кургановъ съ трупосожженіемъ въ тѣсномъ смыслѣ ростовскихъ было, повидному, такое же, и вещи были, кажется, тѣ же. Такимъ образомъ есть возможность высказать предположеніе что въ X вѣкѣ Ростовская область колонизировалась главнымъ образомъ изъ страны кривичей, а быть можетъ и новгородцевъ, о курганныхъ древностяхъ которыхъ мы, впрочемъ, еще мало знаемъ.

Въ итогѣ представленнаго нами обзора собственно-русскихъ кургановъ съ трупосожженіемъ (X вѣка) получается прежде всего заключеніе, что обычай погребенія въ такихъ курганахъ имѣетъ наибольшее распространеніе въ странѣ сѣверныхъ русскихъ племенъ, новгородцевъ и кривичей съ ростовцами, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, и возникъ (надо думать, подъ норманскимъ влияніемъ). Очень обыкновененъ этотъ обычай также въ странѣ сѣверянъ и бужанъ. Въ другихъ русскихъ земляхъ онъ прививается чрезвычайно туго. Обрядъ трупосожженія единообразенъ во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ былъ принятъ; если онъ и видоизмѣняется нѣсколько по отдѣльнымъ мѣстностямъ, то скорѣе по требованіямъ извѣстнаго времени, чѣмъ въ силу мѣстнаго обособленія. Что касается культурныхъ влияній, въ сферу которыхъ входили русскія племена данной поры, то выясняется съ полною очевидностью, что въ теченіе IX и въ началѣ X вѣка сѣверныя племена (новгородцы, всѣ кривичи и ростовцы) пользуются предметами культуры, усвоенной латышскою отраслью литвы (типы Люцинскаго могильника) и имѣющей связи съ предполагаемою культурою собственной литвы VIII—IX вѣковъ, а въ продолженіе остальныхъ десятилѣтій X вѣка — въ обиліи вещами происхожденія скандинавскаго, серебряными подѣлками съ зерпью, еще не опредѣленнаго происхожденія, а также вещами, привозимыми съ востока. Какого-либо самостоятельнаго русскаго искусства въ это время нѣтъ и проблесковъ: все нужное цѣликомъ заимствуется отъ народовъ съ установившимися вкусами. Русь еще мало жила городской жизнью и въ X вѣкѣ всецѣло поглощена была колонизаторскою дѣятельностью; религіозный бытъ—главный вдохновитель и источникъ искусства—у нея былъ простъ, а съ принятіемъ христіанства все необходимое получалось въ готовомъ видѣ. О культурныхъ движеніяхъ въ области сѣверской руси и бужанъ X вѣка мы пока ничего не знаемъ.

Спеціально для цѣлей нашей статьи отмѣтимъ, что, судя по из-

ложеннымъ археологическимъ даннымъ, въ X вѣкѣ древне-русскія племена являются соединенными въ 2 главныя группы—сѣверную (новгородцы и кривичи) и южную (дреговичи, древляне, поляне); въ этихъ группахъ стоятъ отдѣльно бужане, сѣверяне и радимичи съ вятичами.

XI вѣкъ есть время всеобщаго распространенія по русскимъ областямъ кургановъ, которые такимъ образомъ служатъ наилучшимъ пособіемъ при опредѣленіи границъ древне-русскихъ племенъ. Еще тѣснѣе, чѣмъ прежде, курганы въ это время соединяются съ христіанствомъ и всюду слѣдуютъ за нимъ. Христіанство, снисходительно относясь къ обряду погребенія въ курганахъ, въ то же время, однако, успѣваетъ совершенно уничтожить обычай трупосоженія, который, по замѣчанію Нестора, остается лишь у язычниковъ-вятичей. Правда, слѣды соженія мѣстами открываются и въ курганахъ XI вѣка, но это уже исключеніе изъ общаго правила. Мы уже отмѣтили, что въ XI вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ близъ Пскова и Новгорода, начинаетъ исчезать, или даже совсѣмъ исчезаетъ, самый обычай насыпать курганы, которые на многіе вѣка замѣняются такъ называемыми камепными или жальпичными могилами.

Представляемъ перечень виднѣйшихъ особенностей, характерныхъ для собственно-русскихъ кургановъ XI вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ общихъ для курганныхъ насыпей всѣхъ древне-русскихъ областей этого времени.

Исконный славянскій обрядъ трупосоженія въ XI вѣкѣ переходитъ въ простой обычай сожигать на мѣстѣ погребенія костеръ, отъ котораго въ основаніи кургана остается слой золы и угля, иногда очень значительной массивности; чѣмъ ближе къ концу XI вѣка, тѣмъ топыше становится залегающая въ основаніи курганныхъ насыпей зольная прослойка, переходящая, наконецъ, въ простыя зольныя пятна. Кажется, что обычай сожигать на мѣстѣ погребенія костеръ или, по крайней мѣрѣ, посыпать его золой сохранялся еще въ курганахъ XII вѣка. Даже позднѣе, въ XIII—XIV вѣкахъ зола входитъ въ составъ погребенія, но, быть можетъ, уже въ роли остатковъ отъ поминакъ, такъ какъ мы въ это время видимъ ее посыпанною выше костяка. Вѣроятно, остатками отъ погребальнаго костра объясняются и тѣ зольныя прослойки, въ количествѣ отъ одной до трехъ и болѣе, которыя при раскопкахъ кургановъ даннаго времени нерѣдко обнаруживаются на разной высотѣ насыпей. Въ смоленскихъ курганахъ темныя прослойки иногда пронизываютъ всю насыпь. Прини-

мать зольные курганные слои за остатки поминокъ или тризницъ мы не рѣшаемъ; во всякомъ случаѣ ихъ происхожденіе и значеніе представляютъ еще загадку и требуютъ спеціальнаго вниманія изслѣдователей. Ни на кострищахъ, ни въ зольныхъ прослойкахъ костей животныхъ или другихъ какихъ-либо предметовъ не встрѣчается. Погребальные урны, столь необходимыя при обрядѣ трупосожженія, сохранившіяся въ качествѣ почти неизбѣжной принадлежности и въ курганахъ X вѣка, сопровождаютъ и погребенія XI вѣка, но служатъ не для собиранія пепла, а ставятся при трупахъ съ пищею или напитками. Послѣднее можно приять не только за возможное, но и за достовѣрное, такъ какъ въ этихъ сосудахъ были находимы птичьи кости, шелуха зеренъ, яйца. Сосуды съ пищею помѣщаются большею частью въ головахъ костьковъ, въ ногахъ же нерѣдко можно встрѣтить остатки деревянныхъ ведерокъ, окованныхъ желѣзными обручами. Погребеніе, какъ и сожженіе, нерѣдко совершалось въ сидячемъ положеніи, причѣмъ для устойчивости трупъ спиною иногда опирался на спеціально для того сооруженную кладку изъ камней. Однако въ большинствѣ случаевъ покойники лежатъ навзничъ, съ протянутыми конечностями, головою на западъ; въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ, но зато всюду, костькъ оказывается лежащимъ головою на югъ, сѣверъ или востокъ. Такое отступленіе отъ христіанскаго обряда погребенія намъ непонятно, но въ то же время оно иррідь-ли можетъ служить признакомъ погребенія язычника. Въ XI вѣкѣ становится общепринятымъ христіанскій обычай хоронить въ гробахъ, хотя устройство ихъ еще не можетъ считаться выясненнымъ. Кажется, что иногда они представляли собою колоды, а иногда имѣли видъ ящика, сбитаго изъ досокъ или брусевъ. Высота курганныхъ насыпей устанавливается между $1\frac{1}{2}$ и 4 арш., причѣмъ чаще всего замѣчается, что высокими насыпями прикрываются погребенія мужскія. Всюду наблюдается обычай окружать курганы въ основаніи неглубокими канавками, имѣющими цѣлю, по всей вѣроятности, охранить насыпи отъ сырости и отъ порчи животными. Приблизительно къ концу XI вѣка распространяется обычай погребать трупы въ грунтовыхъ ямахъ—новая уступка христіанскимъ обыкновеніямъ; въ курганахъ XII вѣка этотъ обычай можно считать окончательно установившимся. Къ тому же XII вѣку можно отнести замѣчаемое мѣстами, особенно на сѣверѣ, обыкновеніе замѣнять окружный ровъ вѣнцомъ изъ крушыхъ, рѣдко разставленныхъ валуновъ.

Въ составѣ находокъ, встрѣчаемыхъ при раскопкѣ собственно-

русскихъ кургановъ XI вѣка, замѣчается цѣлый рядъ предметовъ общихъ для кургановъ этого времени всѣхъ русскихъ областей. Этотъ общій элементъ мы и должны выдѣлить, прежде чѣмъ приступить къ изложенію отличій, характерныхъ для кургановъ каждаго района въ отдѣльности. Въ этомъ общемъ инвентарѣ курганныхъ находокъ отмѣтимъ изъ бусъ—гранчатая сердоликовыя трехъ типовъ (квадратныя, продолговатыя прямыя и продолговатыя съ суженными концами), позолоченныя съ каймами по краю, круглыя хрустальныя, желобчатая посеребренныя и мелкія разноцвѣтныя, изъ подвѣсокъ къ ожерелью—лунницы и нѣсколько типовъ византійскихъ крестиковъ, изъ головныхъ украшеній—трехшипныя кievскія серьги, изъ нагрудныхъ—пряжки съ спиральными несомкнутыми концами, малые и средней величины бубенчики, подвѣски въ видѣ ложечекъ и собачекъ, изъ поясныхъ украшеній—нѣсколько типовъ пряжекъ и колець, изъ браслетовъ—витые въ нѣсколько проволокъ съ петлями на концахъ, витые съ завязанными концами и пластинчатые, изъ перстней—пластинчатые съ тонкими спиральными или залязанными концами и витые, изъ желѣзныхъ вещей—топоры съ широкимъ лезвіемъ, огнива двухъ типовъ, серпы, ножицы, изъ каменныхъ—шиферныя пряслицы, изъ глиняныхъ—сосуды, неизмѣнно съ волнистымъ или частымъ горизонтальнымъ орнаментомъ. Вещи перечисленныхъ типовъ господствуютъ, въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ, и въ курганахъ XII вѣка. Наибольшія отличія замѣтны въ сортиментѣ браслетовъ.

Начиная изложеніе особенностей въ памятникахъ старины XI вѣка каждаго изъ древне-русскихъ племенъ, считаемъ удобнымъ теперь же высказать, что всѣ эти племена по археологическимъ даннымъ въ это время соединяются въ три большія группы: сѣверную, юго-западную и восточную.

Въ группу юго-западную мы включаемъ волынянъ, полянъ и древлянъ на югѣ, дреговичей на сѣверѣ. Курганы XI вѣка южной половины этой группы имѣютъ нѣкоторыя отличія отъ сѣверной.

Курганы древлянъ невысоки и обыкновенно обведены капавками; нѣкоторыя насыпи, въ видѣ исключенія, имѣютъ въ основаніи сплошной кругъ валуновъ. Въ насыпяхъ попадаются отдѣльные черепки, угли и кости домашнихъ животныхъ, но примѣсь эта скорѣе случайна, чѣмъ постоянна. Въ основаніи почти половины раскопанныхъ кургановъ вскрываются остатки кострищъ, слой золы, а иногда подстилка изъ разноцвѣтной глины, окрашеннаго или бѣлаго песка, изъ ила; въ нѣсколькихъ случаяхъ такая подстилка замѣнена была слоемъ

разноцвѣтныхъ камешковъ. Большая половина костяковъ лежитъ въ грунтовыхъ ямахъ, имѣющихъ среднюю глубину до 12 верш., четвертая часть—на материкѣ и осталь—въ насыпи. Скелеты расположены навзничъ, головою на З.; всего до 2% костяковъ лежатъ головою на В. Очень развито обыкновеніе помѣщать трупы въ колодахъ или гробовницахъ, сколоченныхъ или заколоченныхъ желѣзными гвоздями. Точно также представляетъ обычное явленіе устройство надъ трупами особыхъ деревянныхъ срубовъ, иногда вѣнчающихся двускатною крышею. У нѣкоторыхъ скелетовъ по бокамъ положены кругляки. Деревянные брусья срубовъ иногда сбиты желѣзными костылями. Находокъ въ древянскихъ курганахъ попадаются крайне мало, и всѣ онѣ почти безъ исключенія принадлежатъ къ типамъ, перечисленнымъ выше въ качествѣ общихъ для русскихъ кургановъ. Малое количество находокъ составляетъ даже одну изъ характеристикѣйшихъ особенностей данныхъ кургановъ. Большинство головныхъ колець имѣетъ видъ небольшихъ колець съ сомкнутыми концами; рѣже такія же кольца съ концами, заходящими другъ на друга, и очень рѣдки кольца съ эсвидными завитками. Головные кольца чаще попадаютъ въ количествѣ двухъ, но иногда число ихъ доходить до 7—8. Большинство серегъ имѣетъ въ верхней части характерный изгибъ подъ угломъ, что, кажется, указываетъ на ихъ сравнительно позднее происхожденіе, напримѣръ, на XII вѣкъ. Изъ бусъ интересны крупныя серебряныя филиграновыя. Цѣлыхъ сосудовъ не встрѣчено; нѣкоторыя днища ихъ оказались съ клеймами. Любопытно, что въ древянскихъ курганахъ найдено нѣсколько чашъ изъ череповъ. Такъ обрисовываются передъ нами древянскіе курганы съ погребеніемъ по раскопкамъ, произведеннымъ въ бассейнѣ р. Тетерева и далѣе къ западу до р. Случа. Трудно сомнѣваться, что большинство этихъ кургановъ принадлежитъ XI вѣку, но между ними есть не мало такихъ, которые доведется отнести къ памятникамъ XII вѣка. Къ этому времени можно причислить большинство кургановъ съ погребеніемъ въ грунтовыхъ ямахъ и нѣкоторыя находки, напримѣръ, упомянутыя серьги. Самая бѣдность древянскихъ кургановъ находками говоритъ, быть можетъ, за ихъ сравнительно позднее происхожденіе. Но выдѣленіе въ этихъ курганахъ элементовъ XI и XII вѣка еще дѣло будущаго. Въ послѣднее время были произведены систематическія раскопки волынскихъ кургановъ далѣе на западъ, между р. Горынью и Стыремъ, и, на сколько намъ извѣстно, курганы этой мѣстности оказались такими же, какъ описанные древянскіе. Такъ какъ, по край-

ней мѣрѣ, р. Стырь несомнѣнно занята была въ XI—XII вѣкахъ во-
лынянами, то отсюда слѣдуетъ, что по археологическимъ даннымъ
волыняне и древяне могутъ считаться единоплеменными. Въ луц-
кихъ (?) курганахъ была сдѣлана весьма интересная находка—костя-
ная обложка половецкаго колчана, что, быть можетъ, говоритъ при-
близительно за XIII вѣкъ того кургана, гдѣ этотъ колчанъ лежалъ.
О курганахъ XI—XII вѣковъ далѣе Луцка мы ничего не знаемъ, но
вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно извѣстно, что курганы древяно-во-
лынскаго типа существуютъ и въ Галиціи, даже съ тѣми же теремками
и съ тою же подстилкою подъ костяками изъ песка.

Въ странѣ полянъ систематическія раскопки кургановъ XI—XII
вѣковъ до сихъ поръ были произведены лишь въ мѣстности между бе-
регомъ Днѣпра и нижнимъ теченіемъ Роси (Щучинка близъ Витичева,
Запудовка у с. Липовца и берега Россавы). Обнаруженный въ нихъ
обрядъ погребенія и вещи указываютъ на полную аналогію полян-
скихъ кургановъ съ одновременными во-лынскими и древянскими, хотя
нельзя не сознаться, что малое количество раскопанныхъ кургановъ
(57 въ трехъ группахъ) еще не даетъ полного основанія къ этому
заключенію. Раскопки кургановъ на Роси близъ Пилипча, недалеко
отъ впаденія въ Рось Растанцы, дали тѣ же результаты. Въ районѣ
перечисленныхъ раскопокъ на низовьяхъ Роси не составляютъ рѣд-
кости отдѣльныя находки предметовъ курганныхъ типовъ (напримѣръ,
Грицинецъ, Ключники, Бобрицы, Тростянецъ, Хмѣльная, Берест-
няги, не говоря уже о Княжей горѣ). Въ окрестностяхъ Кіева про-
изведены были весьма немногочисленныя раскопки кургановъ XI вѣка
(Бѣлгородка, Китаева пустынь, Безрадачи, Триполье), и отчеты объ
ихъ изслѣдованіи еще не изданы. Курганы самого Кіева могутъ слу-
жить для характеристики полянскаго обряда погребенія лишь при из-
вѣстной осторожности въ пользованіи тѣмъ матеріаломъ, который ими
дается, въ виду того, что Кіевъ въ X—XI вѣкахъ былъ заселенъ
далеко не одними полянами. Кромѣ того, кіевскіе курганы не могутъ
служить для характеристики полянъ XI вѣка уже потому, что из-
вѣстные въ Кіевѣ курганы должны быть отнесены къ X или развѣ
лишь къ самому началу XI вѣка. Повидимому, весьма значительная
группа такихъ кургановъ расположена была на Подолѣ, въ районѣ
Юрданской церкви (усады Багрѣва, Заремскихъ, Зиваля, Марра).
Курганы эти уже всѣ сравнялись съ землею и застроены, но при слу-
чайныхъ раскопкахъ въ этой мѣстности открыты уже цѣлый рядъ
погребеній. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, между ними встрѣчены и

случаи трупосожженія¹⁾, но чаще въ нихъ попадаются костяки, головою на западъ. Инвентарь находокъ очень интересенъ, такъ какъ другого подбора мѣстныхъ вещей X вѣка мы не знаемъ на всемъ пространствѣ юго-западной группы древне-русскихъ племенъ. Сюда входятъ: тонкія головныя или ушныя серьги съ заходящими другъ на друга концами, тѣ же кольца съ напущенными на нихъ круглыми хрустальными или стеклянными бусами (свѣтлаго, коричневаго и палеваго цвѣтовъ), весьма разнообразныя и любопытныя серьги, большею частью изъ тонкой филигранныя, хрустальныя, янтарныя, сердоликовыя и стеклянныя бусы, бусы филигранныя тонкой работы, серебряныя кресты, скандинавскія овальныя и круглыя фибулы, стеклянныя перстни, большіе скандинавскіе мечи, дигремы и византийскія монеты X вѣка и пр. Сравненіе перечисленныхъ типовъ съ находками того же вѣка изъ смоленскихъ кургановъ приводитъ къ любопытному результату: въ кievскихъ курганахъ совсѣмъ нѣтъ вещей типовъ Люцинскаго могильника, несравненно меньше примѣсь предметовъ скандинавскаго происхожденія и много вещей мѣстныхъ или, быть можетъ, вѣрнѣе—происхожденія западно-славянскаго (таковы особенно подѣлки изъ филигранныя). Курганъ съ вещами того же характера, но съ сожженіемъ, раскопанъ былъ еще близъ Кіева въ деревнѣ Совки, причѣмъ найдены были также желѣзные гвозди, доказательство, что покойникъ сожженъ былъ въ гробу. Трудно допустить, чтобы описанныя курганы принадлежали не полянамъ, а какому-нибудь другому племени.

Находки въ Волинской и Кіевской губерніи кладовъ изъ цѣнныхъ вещей прекрасной техники X и XI вѣковъ показываютъ, что и воляняне, и древляне въ эту пору были далеко не такъ бѣдны предметами искусства, какъ это можно предполагать по ихъ курганамъ. Обычными предметами въ этихъ кладахъ являются большія серьги, богато украшенныя зерны и филигранью, огромныхъ размѣровъ лунницы, цѣни, гривны, отчасти плетенныя изъ проволоки, отчасти гладкія съ характерными отгибами на концахъ, и крупныя, покрытыя зернью бусы. Скандинавскій элементъ въ волинскихъ кладахъ, можно сказать, совершенно отсутствуетъ; они почти исключительно состоятъ изъ серебряныхъ зерновыхъ и филигранныхъ подѣлокъ, отечество ко-

¹⁾ Не слѣдуетъ ли на счетъ трупосожженія отнести и ту урну съ жженными костями, здѣсь же найденную, которую мы выше отнесли къ числу урнъ типа погребальныхъ полей?

торыхъ, какъ было упомянуто выше, все еще остается не угаданнымъ. Его съ одинаковымъ правомъ можно искать и на востокѣ, и на западѣ.

Какъ о мѣстоположеніи, такъ и о древностяхъ уличей и тиверцевъ не имѣемъ никакого понятія. Можетъ быть, имъ принадлежать тѣ 6 городовъ въ Подоліи, о которыхъ упоминаетъ Костантинъ Багрянородный. Сидѣли они, по всей вѣроятности, довольно далеко отъ моря, хотя здѣсь у нихъ и были торговые города. Базисомъ для этихъ племенъ, надо думать, были Карпаты, отъ которыхъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ они могли передвигаться и къ морю, пока передвиженіе кочевыхъ народностей не заставляло ихъ опять уйти ближе къ горамъ. Мѣстоположеніе котораго-нибудь изъ этихъ двухъ племенъ въ X вѣкѣ не опредѣляется ли до нѣкоторой степени находками арабскихъ монетъ? Ихъ мы встрѣчаемъ въ сопредѣльныхъ Гайсинскомъ, Ямпольскомъ и Ольгопольскомъ уѣздахъ Подольской губерніи, между Днѣстромъ и Вугомъ, какъ бы на своего рода островѣ. Ближайшія отсюда мѣстности съ находками диргемовъ—Кіевъ и Польша. Никто въ указанной мѣстности кургановъ еще не изслѣдовалъ.

Сѣверную половину юго-западной группы древне-русскихъ племенъ составляютъ одни дреговичи. Благодаря довольно значительнымъ раскопкамъ, произведеннымъ разными лицами въ Минской губерніи, дреговичскіе курганы XI вѣка извѣстны уже довольно хорошо. Средняя высота ихъ менѣе 2-хъ аршинъ. Особыхъ зольныхъ прослоекъ въ насыпяхъ нѣтъ. Въ бобруйскихъ курганахъ треть костяковъ лежитъ на пепелищахъ (имѣющихъ вообще небольшіе размѣры), въ рѣчицкихъ зольныхъ прослоекъ въ основаніи почти нѣтъ, а въ мозырскихъ ихъ вовсе не найдено. Слѣдовъ какой либо подстилки подъ скелетами въ видѣ песку или глины, повидимому, нигдѣ не оказалось. Погребенія въ насыпи обнаружены лишь въ единичныхъ случаяхъ. Погребенія въ грунтовыхъ ямахъ въ бобруйскихъ курганахъ составляли 12%, въ рѣчицкихъ 15%, въ мозырскихъ 21% всего числа погребеній¹⁾. Погребенія въ сидячемъ положеніи не составляютъ исключительной

¹⁾ Изъ сопоставленія изложенныхъ данныхъ, повидимому, слѣдуетъ, что въ описываемыхъ курганахъ съ теченіемъ времени уменьшается количество погребальныхъ кострищъ и увеличивается число погребеній въ ямахъ, что вполне соответствуетъ и другимъ археологическимъ наблюденіямъ. Такимъ образомъ бобруйскіе курганы (съ образомъ погребенія) могутъ быть признаны старѣйшими сравнительно съ рѣчицкими, а особенно съ мозырскими.

рѣдкости. Очень многіе костяки лежатъ въ гробовищахъ, сбитыхъ изъ досокъ или брусевъ, но рѣдко при помощи желѣзныхъ гвоздей, которыхъ здѣсь находятъ несравненно меньше, чѣмъ въ волинскихъ курганахъ¹⁾; были находимы и погребенія въ колодахъ. Устройство въ курганныхъ насыпяхъ срубовъ или теремковъ столь же обычно, какъ и въ волинскихъ курганныхъ насыпяхъ. Въ бобруйскихъ курганахъ 10% всѣхъ костяковъ лежали головою на востокъ, и это были почти исключительно мужскіе костяки. У большей части насыпей кругомъ основанія идутъ канавки.

Большинство вещей, находимыхъ въ дреговичскихъ курганахъ, представляютъ типы, встрѣчаемые во всѣхъ собственно-русскихъ курганахъ XI вѣка (серьги съ шипами и узелками, витые, плетеные и пластинчатые перстни, лунницы, бубенчики, крестики, подвѣски, пряслицы, серны, топоры, сосуды, иногда съ клеймами на днѣ и пр.). Вообще по составу находокъ дреговичскіе курганы ближе всего примыкаютъ къ волинскимъ; въ нихъ встрѣчены даже чашки изъ человѣческихъ череповъ. Отличія между тѣми и другими курганами состоятъ въ томъ, что находки въ дреговичскихъ курганахъ значительно богаче (это, быть можетъ, находится въ связи съ ихъ болѣе раннимъ происхожденіемъ), далѣе въ томъ, что въ нихъ головныя кольца имѣютъ концы обыкновенно заходящими другъ за друга, а не сомкнутыми только, и наконецъ въ томъ, что въ нихъ замѣчается особенное обиліе разнообразныхъ филигранныхъ бусъ.

Курганы дреговичскаго типа XI вѣка пока изслѣдованы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: между Свислочью и верхнимъ теченіемъ Березины къ сѣверу до Логойска, близъ верховьевъ Вилии (Радошковичи), по всему Новогрудскому краю между Нѣманомъ и Шарою, въ западной половинѣ Полѣся, по Березинѣ и Днѣпру вверхъ до Орши и Эсьмонъ, на западѣ они мѣстами выходятъ даже на Сожь (Красная Слобода, Корма, Клязевка при впаденіи въ Сожь р. Прони). Въ Игуменскомъ, Борисовскомъ и Минскомъ уѣздахъ дреговичскіе курганы видимо смѣшаны съ кривичскими, по Сожи они, вѣроятно, перемѣшаны съ радимичскими.

Итакъ, дреговичскіе курганы представляютъ полное единство въ обрядахъ погребенія (особенно же въ устройствѣ погребальныхъ теремковъ) и въ находкахъ (особенно въ головныхъ кольцахъ и чашахъ

¹⁾ Гвозди попадаются чаще въ мозырскихъ и рѣчцкихъ курганахъ, чѣмъ въ бобруйскихъ.

изъ человѣческихъ череповъ) съ курганами древлянъ и волынянъ и даютъ полное право включить дреговичей въ одну группу съ остальными юго-западными древне-русскими племенами. Несущественныя отличія между дреговичскими и волынскими курганами есть, и это даетъ возможность различать ихъ другъ отъ друга. Волынскіе курганы бѣднѣе нещами, имѣютъ особой разновидности головныя кольца, въ нихъ чаще попадаются гвозди, рѣже устраивается погребальный костеръ, и только въ нихъ встрѣчается подъ костяками цвѣтная подстилка.

Въ сѣверную группу древне-русскихъ племенъ входятъ повгородцы и кривичи, псковскіе, полоцкіе и смоленскіе. Хотя въ обширной странѣ, занимаемой этими племенами, систематическихъ раскопокъ произведено еще далеко недостаточно, всетаки разсмотрѣніе имѣющагося археологическаго матеріала приводитъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ.

Въ смоленскихъ курганахъ XI вѣка большихъ раскопокъ еще не было произведено, но изслѣдованій отрывочныхъ мы имѣемъ довольно много, и исполнены они почти по всему пространству древней смоленской земли. Предоставляя точную характеристику этихъ кургановъ будущему, изложимъ о нихъ то, что можно было собрать.

Курганы смоленскихъ кривичей XI вѣка выдѣляются среди курганныхъ насыпей другихъ мѣстностей нѣсколько большею высотой и своего рода изяществомъ по внѣшнему виду; они вообще хорошо задержаны и рѣдко расплываются. Рвы кругомъ основанія насыпей сравнительно рѣдки, круги изъ камней если и есть, то, кажется, въ исключительныхъ случаяхъ. Характерная особенность насыпей—золенныя прослойки, одна, двѣ или больше. Погребеніе совершается почти исключительно на материкѣ; иногда костяки попадаютъ въ насыпи, но, кажется, никогда въ ямахъ. Костяки лежатъ головою вообще на западъ, но иногда также на востокъ и даже на сѣверъ и югъ; встрѣчаются погребенія въ сидячемъ положеніи. Слѣдовъ гробовищъ или теремковъ, повидимому, не найдено; вопросъ о томъ, встрѣчаются ли остатки погребальныхъ костровъ, остается открытымъ. Тою же простотою, какъ обрядъ погребенія, отличаются и находимые въ смоленскихъ курганахъ XI вѣка предметы. Большинство ихъ принадлежитъ къ обще-курганнымъ типамъ, но подборъ ихъ какъ-то единообразенъ, особенно подборъ бусъ. Самые характерные предметы—большія височныя кольца двухъ типовъ: въ видѣ тонкаго кольца съ ромбическими щитками и въ видѣ такого же кольца съ завязанными кон-

цами; почти столь же характеренъ выборъ подвѣсокъ къ ожерелью изъ серебристаго сплава въ видѣ ажурныхъ бляшекъ съ изображеніемъ луны, креста, птицъ, звѣря, нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ. Встрѣчены подвѣски въ видѣ кievскихъ лилій, крестики, въ небольшомъ количествѣ малыя головныя кольца.

Курганы описаннаго типа изслѣдованы въ слѣдующемъ районѣ: отъ Смоленска на сѣверъ до верховьевъ Двины, отсюда на Ржевъ и Зубцовъ, далѣе на верховья р. Москвы (Ст. Руза), отъ нихъ къ верховьямъ Угры (Семлево) и Жиздры (Доброселье, Синьгово) и наконецъ чрезъ Бричскій уѣздъ, Хотимскъ между Десною и Сожью и снова Смоленскъ. Конечно, очерченная линія не можетъ быть принята за точныя границы смоленскихъ кривичей въ XI вѣкѣ; для опредѣленія ея нужны дополнительныя раскопки внѣ этой линіи. Въ верховьяхъ Жиздры и Угры курганы кривичей смѣшиваются съ курганами вятичей. Здѣсь мы находимъ самыя поздніе смоленскіе курганы, даже XII вѣка, и между прочимъ встрѣчаемъ погребенія въ грунтовыхъ ямахъ.

Еще менѣе раскопокъ произведено на земляхъ кривичей полоцкихъ и нековскихъ. Однако, по изслѣдованіямъ близъ деревни Дымово Сѣнинскаго уѣзда, а главнымъ образомъ въ Себежскомъ уѣздѣ, особенности полоцкихъ кургановъ XI вѣка выступаютъ въ общихъ чертахъ достаточно ясно. Какъ по обряду погребенія, такъ и по находкамъ курганы эти одинаковы со смоленскими, но они бѣднѣ послѣднихъ предметами, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя вещи сосѣдней латышской культуры, особенно же головныя вѣшники изъ спиралекъ; височныя кольца имѣютъ типъ смоленскихъ проволочныхъ съ завязанными концами, но они тоньше и размѣръ ихъ меньше. Въ насыпи кургановъ имѣются зольныя прослойки; въ одной мѣстности погребенія оказались на кострищахъ, въ немногихъ случаяхъ найдены остатки гробовъ. Южную границу полоцкихъ кургановъ, повидному, составляетъ линія городовъ Орши, Сѣино, Лукомля и Логойска (оршинскіе курганы не принадлежатъ ли смоленскимъ кривичамъ?); западная и сѣверная граница ихъ не опредѣлима (отдѣльные курганы полоцкаго типа найдены въ Рѣчицкомъ, Себежскомъ и Невельскомъ уѣздахъ), восточная проходитъ, повидному, за Велижемъ. Бѣдныя курганныя находки полоцкаго края прекрасно пополняются находками отдѣльныхъ вещей и кладовъ. На берегахъ озера Усвяты найдены височныя кольца съ ромбическими щитками смоленскаго типа. Восемь такихъ же колецъ оказалось въ извѣстномъ невелискомъ кладѣ (деревня Шакелево), заключающемъ въ себѣ рядъ лунницъ-

бляхъ, покрытыхъ мелкою зернью, какъ въ гнѣздовскомъ и волинскихъкладахъ.

Выше было уже отмѣчено, что характерныя продолговатыя кривичскіе курганы доходятъ на сѣверо-западъ до Пскова. Основываясь на этомъ наблюденіи, можно теоретически предполагать, что исконскіе памятники древности имѣютъ сходство съ полоцкими и въ XI вѣкѣ. Однако, предположеніе это нельзя оставить безъ оговорки, такъ какъ псковскіе курганы, можно сказать, еще не тронуты изслѣдователями. Единственная раскопка, произведенная въ одномъ курганѣ Опочецкаго уѣзда еще въ 1854 г., дала 2 небольшія и тонкія височныя кольца и нѣсколько вещей X—XI вѣка латышскаго типа (головной вѣнчикъ изъ спиралей, браслетъ, пряжки, булавку и пр.).

О новгородскихъ курганахъ XI вѣка мы должны были бы имѣть хорошее понятіе по обширнымъ раскопкамъ, произведеннымъ въ Петергофскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ Петербургской губерніи, но, къ сожалѣнію, отчеты объ этихъ раскопкахъ имѣются слишкомъ недостаточныя. По общей характеристикѣ, даною изслѣдователемъ петербургскихъ кургановъ, можно, съ неизбѣжными оговорками, принять, что въ XI вѣкѣ въ курганахъ водской пятинны покойники обыкновенно (?) помѣщались на остаткахъ кострища, иногда въ сидячемъ положеніи, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (?) трупъ спиною опирался на специально устроенное въ 2—3 ряда сооруженіе изъ валуновъ; изрѣдка при костякахъ или выше ихъ можно найдти кости домашнихъ животныхъ. Кругомъ основанія насыпей иногда идутъ канавки, а въ большинствѣ случаевъ они окружены вѣнцомъ изъ крупныхъ валуновъ. Въ нѣсколькихъ курганахъ обнаружены надъ скелетами особыя каменные покрытія; однажды въ такомъ сводѣ помѣщались 2 скелета въ сидячемъ положеніи.

Височныя кольца петербургскихъ кургановъ одинаковы съ найдеными въ смоленскихъ, но у проволочныхъ концы не завязаны, а сомкнуты; малыя головныя кольца представляютъ рѣдкость. Остальныя вещи вообще аналогичны съ обще-курганными типами, по между ними есть рядъ подвѣсокъ въ видѣ животныхъ (утки, гуся, коня, собаки), которыя заимствованы отъ какихъ-нибудь финскихъ племенъ. Изъ бусъ характерны мѣдныя, подражающія филиграннымъ южнымъ, изъ подвѣсокъ къ ожерелью — кружки съ плетеньемъ. Встрѣчены кресты и образки. Сравнительная пестрота въ вещахъ изъ петербургскихъ кургановъ XI вѣка объясняется тѣмъ, что въ этихъ курганахъ, по плохому состоянію дневниковъ раскопокъ, трудно отдѣлать вещи XI отъ

предметовъ XII вѣка; по всей вѣроятности, и большинство подвѣсокъ въ видѣ животныхъ должно быть отнесено уже къ XII вѣку.

Курганы описаннаго типа раскопаны въ значительномъ количествѣ между Гатчиной и Ямбургомъ и въ меньшемъ числѣ въ южныхъ уѣздахъ Петербургской губ. (Лосицы, Зарѣчье, расположенное почти на Шелони). Извѣстны они и въ Псковскомъ уѣздѣ (Погорѣлки). О древностяхъ XI вѣка этого типа въ Новгородской губ. ничего неизвѣстно. Ихъ или еще не найдено (такъ какъ раскопокъ въ Новгородской губ. также произведено очень мало), или же ихъ надо искать не въ курганахъ, а въ жальникахъ. Въ Тверской губ., именно въ области Бѣжецкаго верха, курганы приблизительно XI вѣка найдены и отчасти изслѣдованы. Впрочемъ, раскопки здѣсь имѣли довольно случайный характеръ, надежныхъ отчетовъ о нихъ не имѣется, самыя находки описаны неопредѣленно, и неизвѣстно, гдѣ онѣ сохраняются, такъ что и отсюда мы имѣемъ пока очень скудный археологическій матеріалъ для даннаго времени. Соединяя въ общую картину все извѣстное, видимъ, что въ бѣжецкихъ курганахъ кости лежатъ большею частью на поверхности материка, а изрѣдка въ ямахъ, головою на З. или С.; иногда трупы погребены въ сидячемъ положеніи. Въ основаніи насыпей часто имѣется кругъ изъ валуновъ; высота ихъ вообще значительная. Изъ вещей постоянно упоминаются височныя кольца (неизвѣстно, какія), пластинчатые головные вѣщички, серьги съ филигранными бусами и другихъ типовъ, мѣдныя бусы, луницы, плетеная гривна съ пластинчатыми концами. Всѣ перечисленныя вещи въ обиліи встрѣчаются и въ петербургскихъ курганахъ, но въ бѣжецкихъ, кажется, неизвѣстно о находкахъ финскихъ подвѣсокъ. Курганы даннаго типа встрѣчены на СВ. отъ Бѣжецка до Залужья, на СЗ. до Маслоба и на ЮЗ. чрезъ Тверпу до истоковъ Волги (Залужье). Кому принадлежать собственно—тверскіе курганы (Старицкій, Тверской и Корчевскій уѣзды), расположенные между курганами кривичскими и новгородскими? Внимательное ознакомленіе съ ними показываетъ, что они ближе къ смоленскимъ, хотя въ виду сходства смоленскихъ и новгородскихъ кургановъ разобратся въ этомъ вопросѣ предстоитъ еще будущему.

Характерныя височныя кольца, отсутствіе въ насыпяхъ теремковъ, а среди находокъ филигранныхъ бусъ, сравнительно большая высота объединяютъ курганы кривичей и новгородцевъ въ одну группу и выстѣ отличаютъ ее отъ группы юго-западной. Зольныя прослойки въ насыпяхъ и отсутствіе въ основаніи вѣнцовъ изъ камней объеди-

няють курганы смоленскіе и полоцкіе, тогда какъ характерныя подвѣски къ ожерелью въ смоленскихъ, предметы латышской культуры въ полоцкихъ и нѣкоторыя отличія въ височныхъ кольцахъ полагають между ними различіе, не существенное, но уловимое. Новгородскіе курганы отъ кривичскихъ отличаются, повидимому, тѣмъ, что въ нихъ нерѣдко устраивался погребальный костеръ, а кругомъ основанія ихъ очень часто сооружался вѣнецъ изъ валуновъ. Петербургскіе курганы отъ прочихъ новгородскихъ отличаются сравнительнымъ обиліемъ нагрудныхъ и поясныхъ подвѣсокъ въ видѣ птицъ и другихъ животныхъ.

Приступая къ описанію курганныхъ древностей XI вѣка восточной группы древне-русскихъ племенъ, въ которую мы включаемъ сѣверянъ, радимичей и вятичей, заранѣе скажемъ, что столь органическаго единства по культурѣ отдѣльныхъ членовъ группы, какое мы наблюдали между племенами, входившими въ группы сѣверную и юго-западную, мы здѣсь не найдемъ. Это замѣчаніе особенно касается вятичей, позднѣе другихъ племенъ вошедшихъ въ обще-русскую семью.

Болѣе ранніе сѣверянскіе курганы XI вѣка изслѣдованы въ Курской и Полтавской губ., въ верховьяхъ Сулы и Псла. Костяки въ нихъ лежатъ головою на З., но нерѣдко и на В. (приблизительно въ $\frac{1}{8}$ погребеній); найдены костяки и въ сидячемъ положеніи, ногами на В. Находки: характерныя височныя кольца въ видѣ тонкой перегнутой спирали, височныя кольца малыхъ размѣровъ, кажется, съ заходящими другъ за друга концами, шейныя гривны съ характерными сгибами на концахъ и витыя, подиѣски къ ожерелью въ видѣ кружковъ, лунницы, пластинчатые головные вѣнички, какъ въ петербургскихъ и тверскихъ курганахъ, и пр.; спорадически попадаются филигранныя бусы. Остальные предметы представляютъ типы, общіе для всѣхъ древне-русскихъ кургановъ, а взятыя вмѣстѣ, вещи сѣверянскихъ кургановъ ближе всего напоминають предметы курганныхъ насыпей юго-западной группы. Можетъ быть, къ нѣскольکو болѣе позднему времени относятся курганы сѣверянъ, раскопанные въ окрестностяхъ Чернигова и Любеча. Здѣсь костяки лежатъ въ небольшихъ грунтовыхъ ямахъ, головою на З., а иногда на Ю и ЮВ; часто въ гробахъ, сбитыхъ гвоздями. Вещи немногочисленны и не характерны. Между ними особенно отмѣтимъ малыя височныя кольца, снабженныя иногда бусами, серебряными и стеклянными. Извѣстно, что окраины сѣверской земли заселялись переселенцами изъ разныхъ

другихъ областей, такъ что здѣсь можно ожидать встрѣтить курганы весьма разнообразныхъ русскихъ племенъ. Немногіе сѣверскіе курганы XI вѣка раскопаны еще близъ Переяславля.

Обрядъ погребенія у радимичей XI вѣка, повидимому, тотъ же, что и у сѣверянъ. Средняя высота ихъ кургановъ 2 аршина. Многія насыпи обведены въ основаніи канавками. Большинство костяковъ лежатъ на поверхности материка, на остаткахъ кострищъ, головою вообще на западъ, но половина мужскихъ скелетовъ положена въ обратномъ направленіи. Погребенія въ ямахъ и въ насыпяхъ рѣдки. При костякахъ очень часто находятъ остатки гробовищъ изъ досокъ, не скрѣпленныхъ металлическими гвоздями. Въ курганныхъ насыпяхъ надъ костями нерѣдко замѣчаются прослойки золы, очевидно, взятой съ кострищъ.

Среди находокъ въ радимическихъ курганахъ XI вѣка есть одинъ типъ височныхъ колець, который, повидимому, принадлежитъ имъ однимъ. Это—оригинальныя семишпестныя кольца, не попадающіяся въ другихъ мѣстностяхъ даже спорадически. Другой типъ височныхъ радимическихъ колець—въ видѣ спирали, въ бѣльшемъ количествѣ встрѣченъ въ сѣверянскихъ курганахъ, а третій—въ видѣ простыхъ проволочныхъ колець малаго размѣра съ сомкнутыми концами—составляетъ принадлежность кургановъ юго-западной группы древне-русскихъ племенъ и часто встрѣчается въ сѣверянскихъ курганахъ. Есть еще предметы, весьма характерныя для радимическихъ кургановъ—подвѣски къ ожерелью; большая часть ихъ имѣетъ видъ кружковъ, на которыхъ выбито изображеніе головы быка, розетки, крестъ изъ выпуклостей или же вырѣзано изображеніе луны. Есть подвѣски въ видѣ вытянутыхъ сѣмянъ или лоточковъ, довольно часто попадаются разнообразные кресты. Изъ шейныхъ гривенъ встрѣчены витыя и пластинчатая съ розетками и гранчатыми головками на концахъ, а изъ обще-курганныхъ типовъ XI вѣка—нагрудныя и поясныя пряжки, браслеты, перстни, серьги съ шипами и бусами, лунницы, подвѣски въ видѣ собачекъ и ложечекъ, бубенчики и пр. Подборъ предметовъ вообще отличается большимъ изяществомъ, особенно въ шейныхъ украшеніяхъ. Составляютъ-ли эти интересныя и разнообразныя вещи предметъ производства самихъ радимичей, или же заимствуются ими откуда-нибудь, пока невозможно сказать. Не есть-ли это продуктъ особой культуры, развившейся по ту сторону Днѣпра, усвоенной всѣми тремя обитавшими тамъ древне-русскими племенами и имѣвшей центръ въ Черниговѣ и Любечѣ? Навѣрное можно ска-

затѣ одно, что культура эта въ Смоленскѣ центра не имѣла, такъ какъ инвентарь смоленскихъ кургановъ XI вѣка примѣтно отличается отъ находокъ въ радимичскихъ. Можно еще вполне допустить, что основа этой культуры одинакова съ киево-волинскою, но многое въ ней уже обособлено. Обрядъ погребенія радимичами усвоенъ, повидному, въ той формѣ, какую онъ получилъ въ XI вѣкѣ у сѣверянъ. Вообще курганы радимичей безъ большаго труда отличаются отъ сѣдныхъ дреговичскихъ, какъ и отъ кривичскихъ.

Точной границы распространенія радимичскихъ кургановъ пока не можетъ быть указано. На западѣ они прослѣжены по берегу Двѣпра отъ устья р. Сожи до Обидовичей и Анелиной, далѣе они занимаютъ все теченіе Сожи и ея притока Ипути, а какъ далеко идутъ на востокъ и югъ, еще неизвѣстно. По теченію Десны ихъ пока не найдено, но они открыты даже далеко за Десною, близъ с. Голубовки Рыльского уѣзда.

По свидѣтельству лѣтописи, вятичи еще въ XI вѣкѣ подвергали своихъ покойниковъ сожженію. По всей вѣроятности, это извѣстіе надо понимать такъ, что въ данное время часть вятичей еще продолжала сжигать. Гдѣ производилось сожженіе и куда помѣщался прахъ сожженныхъ, мы еще не знаемъ. Кургановъ съ остатками сожженія въ странѣ вятичей пока извѣстны лишь единицы, и къ какому времени они относятся, еще нельзя сказать. Курганы съ погребеніемъ здѣсь являются повдѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ; большинство ихъ должно быть отнесено къ XII вѣку и только меньшая часть къ XI вѣку.

Раскопокъ въ области вятичей произведено довольно много, но точное понятіе мы имѣемъ только о послѣднихъ раскопкахъ въ Рязанскомъ краѣ, и принуждены дать характеристику кургановъ вятичей исключительно лишь на основаніи этихъ изслѣдованій, не особенно обширныхъ. Средняя высота насыпей 2 аршина, кругомъ основанія часто примѣтны канавки. Въ половинѣ насыпей найдены черепки, кости животныхъ и вещицы, быть можетъ, остатки поминокъ (?). Только одинъ костякъ лежалъ на поверхности материка, двѣ трети ихъ находились въ грунтовыхъ ямахъ, а остальные положены въ насыпи, именно въ ея нижней части; скелеты лежатъ головою всегда на З. При трети костяковъ найдена кора, въ видѣ подстилки или покрытія, встрѣчена подстилка изъ песка. Находки очень бѣдны. Самый характерный предметъ, встрѣченный лишь у вятичей — семилопастныя височныя кольца такъ называемаго московскаго типа; есть

еще предметы, свойственные также только курганамъ данной области — разнообразныя пластинчатые ажурныя перстни. Изъ другихъ находокъ отмѣтимъ: плетенныя гривны съ пластинчатыми концами, бусы позднихъ типовъ, главнымъ образомъ круглыя хрустальныя и гранчатыя сердоликовыя, кресты, бубенчики, поздніе мѣдныя и стекляныя браслеты и пр. Конечно, остается вопросомъ, принадлежать ли указанные характерныя предметы только вятичамъ и не потому ли мы не находимъ ихъ въ курганахъ, напримѣръ радимичей, что радимичскихъ курганныхъ насыпей XII вѣка не существуетъ, но во всякомъ случаѣ для вятичей характерно уже то, что въ XII вѣкѣ у нихъ еще были курганы, когда у сосѣдей они уже исчезли.

Районъ распространенія кургановъ описаннаго типа обширенъ. Они раскопаны въ границахъ, обозначающихъ слѣдующею линією: верховья р. Жиздры (Паршино), теченіе р. Угры отъ д. Городище, верховья р. Москвы у с. Крымскаго, Волинщины и др., верховья Клязьмы (Успенское, Петропавловское), Михѣево близъ устья Москвы, часть Рязанскаго края между Ростиславомъ, Пронскомъ и Смедовкой, теченіе Оки до устья Угры, отсюда до Черни и отсюда мимо Лихвина снова на верховья Жиздры.

Преданія лѣтописи, а въ археологическомъ отношеніи общая любовь къ семилопастнымъ височнымъ кольцамъ, неизвѣстнымъ въ другихъ мѣстностяхъ, сближаютъ вятичей съ радимичами. Занималъ особенный районъ между сѣверянами, смоленскими кривичами и ростовцами, вятичи болѣе всего желали оставаться независимыми. Многочисленность найденныхъ въ бассейнѣ р. Оки арабскихъ монетъ показываетъ, что вятичи принимали не малое участіе въ торговлѣ Руси съ Болгарами, и въ это время они, быть можетъ, находились въ культурной подчиненности отъ Смоленска, но съ прекращеніемъ восточной торговли они, вмѣстѣ съ радимичами, скорѣе тянутся къ своему политическому центру на Деснѣ, пока въ XIII—XIV вѣкахъ не сливаются съ Москвою.

Заканчивая этимъ описаніе древностей восточной группы древнерусскихъ племенъ, повторимъ сдѣланное выше замѣчаніе, что въ XI вѣкѣ на востокъ отъ Днѣпра, видимо, начинаетъ организоваться политическій союзъ трехъ древне-русскихъ племенъ, въ которомъ уже проявляются и самостоятельныя культурныя теченія, но что объ этнографическомъ единствѣ этихъ племенъ пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Лѣтопись не говоритъ о существованіи особаго русскаго племени

ростовскаго. Да его и не было. Была лишь Муромо-Ростовская область со смѣшаннымъ русскимъ населеніемъ, своего рода сибирская украйна. Вѣроятно, ядро этого населенія составлено какимъ-нибудь однимъ русскимъ племенемъ, но въ разное время сюда открывался широкій доступъ и различнымъ другимъ племенамъ. Повгородцы, кривичи, вятичи, даже сѣверяне, пожалуй, и дреговичи—всѣ кандидаты на роль колонизаторовъ Ростовской земли, и, быть можетъ, всѣ имѣли долю въ ея заселеніи. Накопецъ, само мѣстное финское населеніе края могло слиться съ тѣмъ или другимъ колонизаціоннымъ потокомъ и принять цѣликомъ ту культуру и обряды, которые онъ несъ съ собою.

Если это такъ, то содержаніе кургановъ Ростовско-Муромской области XI вѣка должно быть до нѣкоторой степени пестрымъ, и основные элементы его могутъ быть выдѣлены лишь при наличности большаго и точнаго матеріала. Къ сожалѣнію, несмотря на большія изслѣдованія, произведенныя въ ростовскихъ курганахъ, болѣе или мѣнѣе ясное понятіе о нихъ мы получаемъ лишь изъ отчетовъ о раскопкахъ по окраинамъ Ростовской земли—по теченію р. Сити, на Углицкомъ полѣ и въ окрестностяхъ Костромы, да и то изслѣдованные здѣсь курганы относятся лишь къ концу XI и къ XII вѣку. Устройство кургановъ въ указанныхъ трехъ мѣстностяхъ имѣетъ общія черты. Насыпи не высоки, часто имѣютъ въ основаніи канавки или вѣнцы изъ камней, а въ разрѣзѣ ихъ нерѣдко видны зольныя прослойки. Костяки иногда лежатъ на слоѣ золь, головою преимущественно на западъ, но также на сѣверъ, югъ и востокъ. Въ курганахъ московской окраины костяки положены большею частью въ грунтовыхъ ямахъ. Встрѣчается сидячее положеніе скелетовъ. Большинство височныхъ колецъ, находимыхъ въ ростовскихъ курганахъ, представляетъ собою малыя проволочныя кольца съ сомкнутыми концами, но нерѣдко встрѣчаются также кольца средней величины и большія, всѣ петербургскаго типа, то-есть не съ завязанными, а свободными, сомкнутыми концами. Изъ вещей обще-курганныхъ типовъ XI вѣка, здѣсь встрѣчены: многочисленныя трехшинныя серьги, бусы, преимущественно золоченыя, крестики, лунницы, изрѣдка подвѣски къ ожерелью смоленскихъ типовъ, нагрудныя и поясныя пряжки, пластинчатые и витые браслеты, бубелчики, перстни витые и пластинчатые съ спиралями по краю и пр. Кроме того, въ описаніи сортиментъ вещей русскаго происхожденія входитъ рядъ предметовъ, но всей вѣроятности, финской индустріи: треугольныя проволочныя подвѣски

къ височнымъ кольцамъ (они есть и въ петербургскихъ курганахъ, но въ видѣ сплошныхъ пластинокъ), плетенныя подвѣски въ видѣ коньковъ и различныя шумящія бляшки и фигуры чудскихъ типовъ. Рисунки всѣхъ этихъ предметовъ въ атласѣ находокъ изъ ростовскихъ кургановъ производятъ множирующее впечатлѣніе и внушаютъ преувеличенное понятіе о значеніи въ нихъ инородческаго элемента, — но на самомъ дѣлѣ примѣсь чудскихъ вещей къ русскимъ здѣсь очень незначительна, если не сказать, что она ничтожна. Наиболѣе примѣсь эта сказывается въ костромскихъ курганахъ, какъ въ новгородской области въ петербургскихъ. Въ костромскихъ курганахъ встрѣчено не мало височныхъ колецъ смоленскаго типа съ ромбическими щитками; довольно много найдено здѣсь крестиковъ и образковъ. То, что извѣстно о давнихъ раскопкахъ, произведенныхъ въ центрѣ Ростовской земли, между Ростовомъ, Суздалемъ и Владиміромъ, не противорѣчитъ данному выше описанію ростовскихъ кургановъ и ничѣмъ его не дополняетъ.

На сѣверо-западѣ курганы описаннаго типа изслѣдованы по Сити и Медвѣдицѣ, откуда линія ихъ идетъ на Переяславль, отсюда на верховья Клязьмы, далѣе по Клязьмѣ выше Владиміра, отсюда къ Ивано-Вознесенску, далѣе по сѣвернымъ границамъ Костромскаго уѣзда мимо древняго Ширенскаго лѣса на Сить. Отдѣльный островъ съ курганами ростовскаго типа найденъ на р. Судѣ, притокѣ Шексны (д. Зворыкина, Варякушка).

Всѣ паличныя данныя склоняютъ насъ къ мысли, что ядро населенія Ростовской области составили новгородцы и кривичи. Это очень естественно, такъ какъ для тѣхъ и другихъ эта земля была на пути ихъ торговыхъ интересовъ. Обложеніе кургановъ камнями есть обычай преимущественно новгородскій, зольныя прослойки въ насыпяхъ идутъ отъ кривичей, составъ вещей ростовскихъ кургановъ одинаковъ съ находками кургановъ всего русскаго сѣвера. Кривичи, или же новгородцы болѣе усердно заселяли край, это можно будетъ сказать лишь тогда, когда будутъ различены древности тѣхъ и другихъ, однако чувствуется, что роль кривичей (двигавшихся черезъ Ржевъ), здѣсь значительнѣе. Вятичи не имѣли интересовъ въ Ростовской области; ихъ характерныя височныя кольца здѣсь, можно сказать, совершенно отсутствуютъ. Слѣдовъ движенія на Оку черезъ верховья Дона сѣверянъ мы пока не находимъ. Приписывать ростовскіе курганы мѣстнымъ инородцамъ, мери, нѣтъ никакого основанія: и обрядъ погребенія, и вещи здѣсь чисто-русскія. Быстрое и полное превра-

щеніе мери въ русское племя прямо невозможно, даже если допустить ея поголовное крещеніе, на что очень не легко согласиться, имѣя въ виду, что шаманизмъ и до сихъ поръ вполне удовлетворяетъ религиознымъ потребностямъ отдѣльныхъ финскихъ народностей. Окрестности Костромы и Нерехты сплошь заняты группами кургановъ ростовскаго типа XI и XII вѣка: какъ допустить, что въ это время данная мѣстность занята была не русскимъ населеніемъ? Если ростовскіе курганы есть курганы мери, то гдѣ-же курганы русскаго населенія края? Естественноѣе думать, что финское населеніе Ростовской области постепенно покидало ее, оставивъ здѣсь слѣдами своего пребыванія не курганы, а могильники. Правда, они еще не найдены, но, по всей вѣроятности, не потому, чтобъ ихъ не было: мы только недавно узнали, что могильники существуютъ въ Пермскомъ краѣ и что весьма интересныя древнія кладбища имѣются въ Нижегородской губ. Примѣръ Муромской области, гдѣ найдены относящіеся приблизительно къ одному времени и русскіе курганы, и финскіе могильники, весьма поучителенъ.

Муромскіе курганы, относящіеся, надо думать, къ X и началу XI вѣка, имѣютъ устройство одинаковое съ ростовскими. Высота ихъ отъ 2-хъ до 5 аршинъ, кругомъ основанія иногда канавки, въ насыпяхъ замѣчаются прослойки угля. Костяки лежатъ головою обыкновенно на западъ, но иногда и на югъ, изрѣдка на подстилкѣ и въ гробовищахъ. По недостаточности изслѣдованій, вещей найдено пока немного. Височныя кольца малыхъ размѣровъ; другія вещи принадлежатъ къ типамъ обще-курганнымъ. Содержаніе муромскихъ кургановъ рѣзко отличается отъ находокъ въ одновременныхъ мѣстныхъ могильникахъ, напримѣръ въ Максимовскомъ.—Интересно, что въ нѣкоторыхъ рязанскихъ курганахъ (д. Рубцова близъ Старой Рязани) найдены височныя кольца типа муромо-ростовскаго, небольшія, вмѣсто ожидаемыхъ семилопастныхъ. Это курганы или вятичей, но нѣсколько болѣе ранняго времени, или же какой-нибудь другой русской народности.

Въ бассейнѣ Буга кургановъ XI вѣка неизвѣстно, но къ этому времени относятся расположенныя здѣсь въ значительномъ количествѣ каменные могилы, то-есть грунтовыя ямы, обставленныя сверху кругомъ камней. Всѣ находки изъ этихъ могилъ должны быть признаны безусловно славянскими и представляютъ типы ближайшихъ дреговическихъ и волинскихъ кургановъ, отъ которыхъ ихъ рѣзко отличаютъ лишь височныя кольца. Въ каменныхъ надбужскихъ моги-

лахъ височныя кольца малаго разиѣра, сработаны изъ толстой проволоки и всѣ имѣютъ эсвидный завитокъ. Нигдѣ этого типа колецъ въ русскихъ древностяхъ другихъ мѣстностей нѣтъ. Кому принадлежать надбужскія могилы, пока нельзя сказать: для этого необходимо прослѣдить районы ихъ распространенія. Древнѣйшія каменные могилы мы находимъ въ Галиціи; есть онѣ также въ Польшѣ, тоже, повидимому, болѣе раннія, чѣмъ на Бугѣ. Наибольшее количество каменныхъ могилъ XI вѣка изслѣдовано въ мѣстности между Бугомъ и Наревомъ; извѣстны онѣ также между Бугомъ и Вислой (Чекавова, Грембово), противъ Бреста (Костомлоты), по притоку Нарева Бобру, а отсюда онѣ, кажется, заходятъ даже на Нѣманъ, сѣвернѣе Гродна (Омнишево, Юстиново и пр.). Не есть-ли это памятники древности Черной Руси, къ XIII—XIV вѣкамъ стянувшейся на верховья Нѣмана, гдѣ она исполнила такую большую роль въ исторіи возникновенія литовскаго государства? Это предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ верховьяхъ Нѣмана расположено много аналогическихъ по устройству могильниковъ, по уже XIII—XIV вѣковъ.

Есть еще одна область съ древне-русскимъ населеніемъ, которую нельзя обойти молчаніемъ и археологу—Тмутаракань. Несомнѣнныхъ слѣдовъ пребыванія здѣсь русскихъ пока не найдено, однако вещи курганныхъ типовъ XI вѣка уже открыты. Въ 1870 г. близъ Тамани около Лысой горы обнаружено было 9 каменныхъ гробницъ, въ которыхъ лежали костяки головою на западъ. При нихъ были найдены мѣдныя и золотыя височныя кольца съ слегка заходящими другъ за друга концами, малаго разиѣра, какія попадаются въ кievскихъ кладяхъ XI—XII вѣковъ, два креста (серебряный и деревянный) и 2 мѣдныя бубенчика. Перечисленныхъ находокъ недостаточно, чтобы можно было признать ихъ русское происхожденіе, однако ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду.

Подводя общіе итоги изложенному, прежде всего усматриваемъ, что на одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ цѣлью нашихъ разысканій, археологія уже теперь даетъ опредѣленный отвѣтъ: всѣ показанія лѣтописи о расселеніи древне-русскихъ племенъ вполне совпадаютъ съ археологическими наблюденіями. Въ собственно русскихъ древностяхъ (главнымъ образомъ XI вѣка) намѣчается столько-же археологическихъ типовъ и районовъ, сколько лѣтопись исчисляеть древне-русскихъ племенъ. Географическое положеніе этихъ районовъ соотвѣтствуетъ указаніямъ лѣтописи о мѣстахъ расселенія племенъ

каждаго въ отдѣльности. Такъ какъ древности отдѣльныхъ районовъ вполне ощутимо отличаются другъ отъ друга, то внѣ сомнѣнія, что дальнѣйшее расширеніе изслѣдованій соответственныхъ кургановъ дастъ вполне точную карту расселенія древне-русскихъ племенъ времени начальной лѣтописи. Только одна археологія и въ силахъ исполнить эту задачу. Менѣе значительна роль ея въ обсужденіи другой изъ поставленныхъ нами темъ—о соединеніи древне-русскихъ племенъ въ этнографическія группы. Мы нашли, что на основаніи археологическихъ данныхъ племена эти могутъ быть соединены въ три группы, и опредѣлили составъ каждой изъ нихъ, но—культурное единство не есть единство племенное. Въ этомъ случаѣ археологическія разысканія раздѣляютъ одну судьбу съ усиліями филологівъ, которая еще прежде сдѣлала попытку отвѣтить на тотъ же вопросъ, но, на нашъ взглядъ, съ тѣмъ же нерѣшительнымъ результатомъ,—такъ какъ единство по языку еще не есть единство по крови. При всѣхъ оговоркахъ, позиція, занятая археологією въ данномъ вопросѣ, не можетъ не имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что группировка древне-русскихъ племенъ, представленная разысканіями филологическихкими ¹⁾, не совпадаетъ съ группировкою на основаніи данныхъ археологическихъ. У насъ въ первую группу входятъ волыняне, древляне, поляне и дреговичи, во вторую кривичи съ новгородцами и ростовцами, въ третью радимичи и вятичи подъ главенствомъ сѣверянъ. По схемѣ академика Шахматова, первую группу (малоруссы) составляютъ волыняне, тиверцы, древляне, поляне и сѣверяне, вторую (бѣлоруссы) дреговичи, радимичи и вятичи, третью (великоруссы) кривичи и новгородцы. По культурнымъ даннымъ XI вѣка, радимичи и вятичи обособлены отъ дреговичей; сами дреговичи далеко не составляютъ какого-либо культурнаго центра и цѣликомъ примыкаютъ къ своимъ южнымъ сосѣдямъ. Вообще, археологическія изысканія не видятъ въ XI вѣкѣ особаго бѣлорусскаго племени, если не считать таковымъ радимичей и вятичей, на что врядъ-ли мы имѣемъ основанія. Въ вопросѣ о тѣхъ же бѣлоруссахъ есть одинъ пунктъ, въ которомъ филологическія и археологическія разысканія сошлись, но пришли къ выводу, страннымъ образомъ противорѣчащему дѣйствительности. Тѣ и другія согласно заключаютъ, что кривичи принадлежатъ къ сѣверной группѣ древне-русскихъ племенъ, то-есть вели-

¹⁾ Шахматовъ, Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, IV.

коруссамъ, между тѣмъ какъ всѣ тѣ мѣстности, гдѣ археологическими раскопками обнаружено распространение кривичскихъ (полоцкихъ и смоленскихъ) кургановъ въ XI вѣкѣ, въ настоящее время заселены не великоруссами, а бѣлоруссами. Въ массовое передвиженіе племень мы не рѣшаемся вѣрить, а полное перерожденіе одного племени въ другое, въ продолженіе 6—7 вѣковъ, хотя бы русскаго въ русское, маловѣроятно. Выхода изъ этой дилеммы мы не видимъ.

А. Смирновъ.